

A close-up photograph of several vibrant red roses on thorny stems, set against a dark, moody blue background. The roses are in various stages of bloom, with some fully open and others as buds. The lighting highlights the texture of the petals and the sharp points of the thorns.

Разве любовь — это грех?

*от автора
бестселлеров USA Today*

Сьерра Симоне

Условие

18+

LAV. Темный роман

Сьерра Симоне

Исповедь

«Издательство АСТ»

2015

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Симоне С.

Исповедь / С. Симоне — «Издательство АСТ», 2015 — (LAV.
Темный роман)

ISBN 978-5-17-154418-8

Существует много правил, которые нельзя нарушать католическому священнику. Священник не может жениться. Священник не может покинуть свою паству. Священник не может оставить своего Бога. Я всегда умел следовать правилам. Пока не встретил ее. Меня зовут Тайлер Ансельм Белл. Мне двадцать девять лет. Шесть месяцев назад я нарушил обет безбрачия и, да поможет мне Бог, сделал бы это снова. Я священник, и это моя исповедь.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-154418-8

© Симоне С., 2015

© Издательство АСТ, 2015

Содержание

От автора	6
Пролог	7
I	8
II	13
III	18
IV	23
V	31
VI	38
VII	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сьерра Симоне Исповедь

Copyright notice for PRIEST shall read

© 2015 Sierra Simone

Published by arrangement

with Folio Literary Management, LLC

© Ковалева Е., перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

От автора

Большую часть своей жизни я была верующей католичкой и, хотя больше ею не являюсь, по-прежнему испытываю глубочайшее уважение к католической церкви. В то время как город Уэстон действительно существует (и он очарователен), церковь Святой Маргариты и отец Белл являются плодом моего воображения. И все же этот роман о католическом священнике, который влюбился. В книге будет секс, много секса и определенно немного богохульства (удовольствия ради).

Вас предупредили.

Пролог

Существует много правил, которые нельзя нарушать католическому священнику.

Священник не может жениться. Священник не может отказаться от своей паствы. Священник не может подвергать сомнению святую веру своих прихожан в него.

Правила, которые кажутся такими очевидными. Правила, о которых я вспоминаю каждый раз, завязывая пояс священника. Правила, которым я клянусь следовать, надевая казулу¹ и поправляя свою столу².

Я всегда соблюдал правила.

Пока не встретил ее.

Меня зовут Тайлер Ансельм Белл. Мне двадцать девять лет. У меня имеется степень бакалавра по древним языкам, и я магистр богословия. Я назначен в этот приход с тех пор, как три года назад был возведен в сан священника, и мне здесь нравится.

Несколько месяцев назад я нарушил свой обет безбрачия на алтаре собственной церкви, и, да поможет мне Бог, я не против сделать это снова.

Я – священник, и это – моя исповедь.

¹ Казула – в католической церкви литургическое облачение, надеваемое поверх других облачений, для совершения мессы.

² Стола – широкая лента, элемент литургического облачения, используется в католических литургических обрядах представителями всех степеней священства.

I

Ни для кого не секрет, что покаяние – наименее популярное таинство. У меня было много теорий относительно причин этого: гордость, стеснительность, утрата духовной свободы. Но преобладающей среди них на данный момент была эта гребаная исповедальня.

Я возненавидел ее, как только увидел: нечто устаревшее и громоздкое, сохранившееся еще со смутных времен до Второго Ватиканского собора. Я помню, в детстве в моей церкви в Канзас-Сити исповедальня представляла собой чистую, светлую, уютную комнатку с удобными креслами и высоким окном, выходившим в церковный сад.

Но эта кабинка – прямая противоположность той комнаты: тесная и формальная, изготовленная из темного дерева и украшенная вычурной лепниной. Я не страдаю клаустрофобией, но эта будка вполне способна вызвать боязнь замкнутых пространств. Сложив руки, я возблагодарил Бога за полученные пожертвования во время последнего сбора. Еще десять тысяч долларов – и мы сможем отремонтировать церковь Святой Маргариты в Уэстоне, штат Миссури, превратив ее в нечто напоминающее современную церковь. Больше никаких имитирующих дерево панелей. Никакой красной ковровой дорожки, которая, стоило бы признаться, неплохо скрывает винные пятна, но создает давящую атмосферу. Вместо этого здесь будут окна, много света и современность. Меня назначили в этот приход из-за его болезненного прошлого... И моего тоже. Для того чтобы забыть его, одного ремонта здания недостаточно, но я намеревался показать своим прихожанам, что церковь способна меняться: расти, развиваться в ногу со временем.

– Мне нужно покаяться, святой отец?

Я снова отвлекся. Что скрывать, есть у меня такой недостаток. И я ежедневно молился о том, чтобы от него избавиться (когда вспоминал об этом).

– Не думаю, что это необходимо, – ответил я.

Хотя сквозь декоративную ширму почти ничего невозможно было рассмотреть, я сразу же узнал исповедующегося, как только он вошел в кабинку. Роуэн Мерфи – мужчина средних лет, который преподавал математику и любил слушать разговоры полицейских, подключившись к их специальной частоте. В течение месяца он был моим единственным верным исповедующимся, и его грехи варьировались от зависти (директор школы отдал штатную должность другому учителю математики) до непристойных мыслей (администратор спортзала в Платт-Сити). Конечно, я знал, что некоторые священнослужители по-прежнему следовали старым канонам покаяния, но сам я не придерживался принципа «Прочитай два раза молитву Деве Марии и позвони мне утром». Основание грехов Роуэна крылась в его нетерпеливости и бездействии, и никакие молитвы по четкам не смогли бы изменить положение дел, пока он сам не устранил бы первопричину.

Я знаю по собственному опыту.

И, кроме того, Роуэн мне действительно нравился. Он был необычайно забавным и относился к тому типу людей, которые предоставляют автостопщикам свой диван для ночлега, а потом следят за тем, чтобы те отправились в путь с рюкзаком, полным еды, и с новым одеялом. Я хотел, чтобы он был счастлив, чтобы нашел себя. Хотел, чтобы он направил все свои добродетели на создание более полноценной жизни.

– Никакого покаяния, но у меня для тебя небольшое задание, – продолжил я. – Подумай о своей жизни. Твоя вера сильна, но отсутствует цель в жизни. Какие еще увлечения у тебя есть помимо церкви? Что заставляет тебя каждое утро вставать с постели? Что придает смысл твоим повседневным действиям и помыслам?

Роуэн не ответил, но я слышал его дыхание. Он задумался.

Прочитав заключительные молитвы, я благословил Роуэна, и он отправился обратно в школу, где должен был провести остаток дня. И поскольку его перерыв на обед почти закончился, то и мои часы, отведенные на принятие исповеди, – тоже. Я взглянул на экран телефона, чтобы быть уверенным, и уже собирался выйти, как услышал что кто-то открыл дверь в исповедальню и устроился напротив меня. Подавив вздох, я снова сел. Сегодня у меня выдался на редкость свободный день, и я с нетерпением ждал его. Никто, кроме Роуэна, никогда не приходил на исповедь. Никто. И в тот единственный раз, когда я надеялся пораньше освободиться и насладиться прекрасной погодой...

«*Сосредоточься*», – велел я себе.

Кто-то откашлялся. Женщина.

– Я... э-э-э... никогда прежде этого не делала. – Ее голос можно было сравнить с лунным светом: такой же тихий и манящий.

– А, – улыбнулся я. – Новичок.

Мои слова заставили ее негромко рассмеяться.

– Да, думаю, что так. Я только в фильмах такое видела. Сейчас мне полагается сказать: «Простите меня, святой отец, ибо я согрешила»?

– Почти. Сначала мы совершаем крестное знамение. Во имя Отца, Сына и Святого Духа... – Я слышал, как она повторяет эти слова за мной. – А теперь скажи, сколько времени прошло с твоей последней исповеди, которая была...

– Никогда, – закончила она за меня. Женщина казалась молодой, но не юной. Моей ровесницей, возможно, чуть моложе. А ее голос звучал по-городскому суетливо и без акцента, в нем отсутствовала та самая тягучесть, которая присуща местному населению сельской части Миссури. – Я... э-э-э... увидела церковь, когда была на винодельне через дорогу. Хотела... ну, есть кое-что, что не дает мне покоя. Я никогда не отличалась особой религиозностью, но подумала, что, может быть... – она на минуту замолчала, а потом резко вздохнула: – Глупая была идея, я такая дура. Мне лучше уйти.

Послышалось, как она встала.

– Стой, – велел я и сам себе поразился. Никогда раньше не указывал другим, что делать, в такой манере. Вернее, теперь уже больше не указывал.

«*Соберись*».

Она села, был слышен шелест сумки в ее руках.

– Ты не дура, – сказал я более мягким голосом. – Это не какое-то там соглашение. И этим ты не даешь обещания посещать мессу каждую неделю до конца своей жизни. Сейчас можно быть услышанной. Мной... Богом... Возможно, даже самой собой. Ты пришла сюда потому, что искала эту возможность, и я могу тебе ее дать. Так что, пожалуйста, останься.

Она сделала глубокий вдох.

– Просто я... то, что меня тяготит, не знаю, должна ли я кому-либо об этом рассказывать. Тем более вам.

– Потому что я мужчина? Тебе было бы комфортнее поговорить сначала с женщиной-мирянкой?

– Нет, дело не в том, что вы мужчина. – Я услышал улыбку в ее голосе. – А в том, что вы священник.

Я решил высказать предположение.

– А то, что тебя тяготит, имеет плотскую природу?

– Плотскую. – Она засмеялась, ее смех был похож на нежную, чувственную мелодию. Внезапно я поймал себя на том, что задаюсь вопросом, как выглядит эта женщина: светлая ли у нее кожа или загорелая, стройная ли она или обладает пышными формами, какие у нее губы – нежные или пухлые?

Нет, я должен был сосредоточиться. И не на том, что ее голос невольно заставил меня почувствовать себя больше мужчиной, нежели священником.

– Плотскую, – повторила она. – Звучит как какой-то эвфемизм.

– Ты можешь выразаться максимально расплывчатыми фразами. Наш разговор не должен тебя смущать.

– Эта перегородка помогает, – призналась она. – Проще, когда вас не видно, ну, знаете, в вашем церковном облачении и все такое, пока я говорю. – Теперь уже я рассмеялся.

– К твоему сведению, мы не носим церковные одеяния постоянно.

– Правда? Значит, это мои фантазии. Что же на вас тогда надето?

– Черная рубашка с длинными рукавами и белым воротничком. Думаю, тебе известен такой стиль. Ты видела его по телевизору. И джинсы.

– Джинсы?

– Настолько шокирующе?

Я услышал, как она прислонилась к стенке кабинки.

– Немного. Словно вы настоящий человек.

– Только по будням, между девятью и пятью часами.

– Хорошо, я рада, что вас не заставляют в течение недели носить официальное облачение или типа того.

– Попытки были. Слишком сильно потею. – Я замолчал. – И, если это поможет, обычно я ношу брюки.

– Это уже более походит на священника. – Последовала долгая пауза. – Что, если... К вам когда-нибудь приходили люди, которые совершали по-настоящему плохие поступки?

Я тщательно обдумал свой ответ.

– Мы все грешники в глазах Господа. Даже я. Смысл не в том, чтобы заставить тебя почувствовать вину или классифицировать величину твоего греха, а в том...

– Не надо меня кормить этим богословским дерьмом, – резко перебила она. – Я задала вам конкретный вопрос. Я совершила нечто ужасное. Очень плохое. И я не знаю, что будет дальше.

На последнем слове ее голос дрогнул, и впервые с тех пор, как я был рукоположен, у меня возникло острое желание подойти к другой стороне кабинки и заключить исповедующуюся девушку в свои объятия. Что было бы возможно в более современной исповедальне, но в этой древней «будке смерти», скорее всего, насторожило бы и было бы совершенно неудобно.

Но в ее голосе послышались настоящее страдание, неуверенность и смятение. И я хотел сделать для нее что-то хорошее.

– Мне нужно знать, что все будет хорошо, – тихо продолжила она. – Что я смогу научиться жить с этим.

Резкая боль сжала мне грудь. Как часто я шептал в потолок своего приходского дома эти же самые слова, лежа в кровати без сна и задаваясь вопросом, какой могла бы быть моя жизнь. *«Мне нужно знать, что все будет хорошо».*

Разве не этого все мы хотим? Разве не об этом молчаливо кричат наши истерзанные души?

Заговорив снова, я не стал утруждать себя обычными заверениями и духовными банальностями. Вместо этого я честно ответил:

– Я не знаю, все ли будет хорошо. Ты можешь думать, что сейчас находишься на самом дне, а потом однажды посмотришь наверх и поймешь, что все стало намного хуже. – Я опустил взгляд на свои руки – этими руками я достал свою старшую сестру из петли, на которой она повесилась в гараже наших родителей. – Возможно, ты никогда не сможешь встать утром с постели с такой уверенностью. Этот момент, когда все хорошо, может никогда не наступить. Все, что ты можешь сделать, – это попытаться найти новое душевное равновесие, новую

отправную точку. Найди любовь, которая еще осталась в твоей жизни, и крепко держись за нее. И однажды мир вокруг станет менее серым и унылым. Однажды ты, возможно, поймешь, что снова живешь и эта жизнь приносит тебе счастье.

Слышал ее учащенное, прерывистое дыхание, как будто она пыталась сдержать слезы.

– Я... Спасибо, – произнесла она. – Спасибо вам.

Теперь я уже не сомневался, что она плачет. Слышал, как она вытаскивает бумажные салфетки из коробки, поставленной в кабинку именно для этой цели. Я мог уловить только незначительные движения сквозь ширму, едва уловимые намеки на ее блестящие темные волосы и, возможно, бледное лицо.

Воистину низменная и безбожная часть меня по-прежнему хотела услышать ее признание не для того, чтобы дать ей более конкретные наставления и заверения, а чтобы точно узнать, в каких плотских грехах хотела покаяться эта девушка. Я хотел услышать, как она шепчет об этих непристойностях своим хриплым голосом, заключить ее в свои объятия и смахнуть поцелуями каждую слезинку.

Боже, как я желал прикоснуться к ней.

Что, черт возьми, со мной не так? За последние три года я не испытывал такого страстного влечения ни к одной женщине. И я ведь даже не видел ее лица. Я даже не знал ее имени.

– Мне пора идти, – повторила она. – Спасибо вам за ваши слова. Они... попали в самую точку. Спасибо.

– Подожди... – сказал я, но дверь кабинки распахнулась, и девушка исчезла.

Весь день я думал о своей таинственной кающейся грешнице. Я думал о ней, когда готовил пастырское наставление к воскресной мессе. Я думал о ней, когда проводил библейские занятия для мужчин и когда читал молитвы перед сном. Я вспоминал проблеск ее темных волос, ее хриплым голос. В ней было что-то такое... Но что именно? Приняв сан священнослужителя, я вовсе не превратился в труп – я по-прежнему в значительной степени оставался мужчиной. Мужчиной, которому очень нравилось трахаться, до того как он услышал зов Божий.

И я, конечно, все еще обращал внимание на женщин, но довольно умело сдерживал свои сексуальные позывы. В последние несколько лет обет безбрачия все больше становился спорным догматом священства, но я по-прежнему тщательно его соблюдал, особенно в свете того, что случилось с моей сестрой и что произошло с этим приходом до того, как я был назначен сюда.

Чрезвычайно важно было, чтобы я был идеалом сдержанности и внушал доверие. А значит, когда дело касалось секса, мне нужно было быть невероятно осмотрительным как публично, так и в частном порядке.

Поэтому вопреки тому, что остаток дня ее хриплым смех эхом отдавался в моих ушах, я решительно и намеренно отгонял воспоминания о ее голосе и продолжал выполнять свои обязанности. Единственным исключением было то, что я лишним раз или два помолился по четкам за эту женщину, вспоминая ее мольбу о помощи: «Мне нужно знать, что все будет хорошо».

Я надеялся, что, где бы она ни была, Бог был с ней, утешая ее точно так же, как утешал меня столько раз.

Я провалился в сон, сжимая в кулаке четки, словно они были амулетом, защищающим от непрощенных мыслей.

* * *

В моем небольшом, доживающем свой век приходе обычно раз-другой в месяц проходят похороны, четыре или пять свадеб в год, месса почти каждый день, а по воскресеньям – более одного раза. Три дня в неделю я провожу занятия по изучению Библии, один вечер в неделю помогаю молодежной группе, и каждый день, за исключением четверга, принимаю прихожан.

Также каждое утро я пробегаю несколько миль и заставляю себя прочитать пятьдесят страниц чего-нибудь, совершенно не связанного с церковью или религией.

Ах да, еще я провожу много времени на форуме, посвященном «Ходячим мертвецам» на «Реддит»³. Слишком много времени. Прошлой ночью я не спал до двух часов, споря с каким-то задротом о том, можно ли убить зомби с помощью позвоночника другого зомби.

Чего, разумеется, сделать нельзя, учитывая скорость гниения их костей.

Суть в том, что у меня как священнослужителя в тихом городке Среднего Запада довольно насыщенный график, поэтому вполне можно понять мое удивление, когда на следующей неделе эта женщина вернулась в мою исповедальню.

Роуэн только что ушел, я тоже собирался покинуть кабинку, когда услышал, как открылась соседняя дверь и кто-то скользнул внутрь. Я предположил, что, возможно, это вернулся Роуэн: такое уже случалось, когда он вдруг вспоминал об очередном проступке, о котором забыл мне исповедаться.

Но нет, это был тот самый узнаваемый голос с хрипотцой, который вдохновил меня на дополнительные молитвы на прошлой неделе.

– Это снова я, – сказала женщина и нервно рассмеялась: – Э-э-э, не католичка.

Я ответил более низким, чем мне хотелось бы, голосом, слова прозвучали отрывисто. Таким тоном я уже давно не разговаривал ни с одной женщиной.

– Я тебя помню.

– Правда? – Она казалась немного удивленной, словно не ожидала, что я на самом деле ее запомню. – Хорошо, я полагаю.

Она немного передвинулась, и сквозь ширму мне удалось разглядеть женские очертания: темные волосы, белую кожу, мимолетный намек на красную помаду.

Я тоже слегка наклонился, неосознанно. Мое тело внезапно стало ко всему чрезвычайно чувствительным: к сшитым на заказ брюкам (подарок моих братьев-бизнесменов), жесткость деревянной скамейки, воротник, который вдруг стал невероятно тугим, я бы сказал, даже удушьящим.

– Вы ведь отец Белл? – спросила она.

– Да.

– Я видела вашу фотографию на интернет-сайте. На прошлой неделе я подумала, что, может, было бы лучше узнать ваше имя и как вы выглядите. Ну, знаете, чтобы представлять, что разговариваешь с человеком, а не с разделяющей нас стеной.

– И помогло?

Она колебалась.

– Не очень. – Но она не стала вдаваться в подробности, а я решил не давить, главным образом потому, что пытался отвлечься от потока невысказанных желаний, переполнивших мой разум.

«Нет, ты не можешь спрашивать ее имя».

«Нет, ты не можешь открыть дверь, чтобы увидеть ее лицо».

«Нет, ты не можешь требовать, чтобы она исповедалась только в своих плотских грехах».

– Ты готова начать? – спросил я, стараясь вернуть свои мысли к насущному вопросу – к исповеди.

«Следуй сценарию, Тайлер».

– Да, – прошептала она. – Да, я готова.

³ «Реддит» (англ. Reddit) – сайт, сочетающий черты социальной сети и форума, на котором зарегистрированные пользователи могут размещать ссылки на какую-либо понравившуюся информацию в Интернете и обсуждать ее.

II

Поппи

– Так вот, у меня есть работа. Вернее сказать, была, потому что сейчас я занимаюсь кое-чем совершенно другим. Но еще месяц назад я работала в одном месте, которое можно было бы считать... греховным. Думаю, это как раз подходящее слово, хотя я никогда не чувствовала себя грешницей, работая там. Наверное, вы полагаете: именно поэтому я здесь, и в какой-то степени так оно и есть, но на самом деле мне кажется, я должна исповедаться, так как не чувствую, что обязана сознаваться в содеянном. В этом есть хоть какой-то смысл? Вероятно, я должна чувствовать себя ужасно из-за того, что делала и как зарабатывала деньги, но ничего подобного не чувствую и прекрасно понимаю, что это неправильно.

Кстати, я не проститутка, если вы об этом подумали.

Знаете, за что еще я чувствую себя виноватой? За то, что тратила впустую чужие время и деньги. В частности, моих родителей. Да и вас это тоже касается. Я вас совсем не знаю, но при этом отвлекаю от дел и заставляю выслушать всю эту гребаную чушь, тем самым понапрасну используя ваше время и деньги церкви.

Видите? Где бы я ни появилась, я все порчу.

Отчасти проблема в том, что во мне всегда присутствовала эта частичка, а может, не частичка, а целый слой, знаете, как кольца у дерева. И куда бы я ни отправилась, чем бы ни занималась, всегда чувствовала ее присутствие. Это мешало моей старой жизни в Нью-порте и не особо помогло в моей новой в Канзас-Сити, и сейчас я понимаю, что несчастлива. Так что это значит? Значит ли это, что мне нигде не найти счастья? Что я обречена на одиночество, что мне суждено нести бремя паршивой овцы из-за демона внутри меня?

Забавно, но мне кажется, есть еще другая, тайная жизнь, предложенная мне, в которой я могу выпустить этого демона на свободу и позволить ему поглотить меня. Но цена – это остальная часть меня. Словно Вселенная, или Бог, говорит мне, что я могу поступать по-своему, но в ущерб своему самоуважению и независимости, потеряв возможность стать тем человеком, которым хочу быть. С другой стороны, какова цена выбранного мной пути? Я сбегала в маленький городок и провожу свои дни на работе, которая мне не нравится, а ночи – в одиночестве. Я сохранила чувство собственного достоинства, делаю добрые дела, но позвольте мне сказать, святой отец – добрыми делами постель ночью не согреть. И меня переполняет ужасное отчаяние из-за того, что я не могу иметь и то и другое, но очень этого хочу.

Я мечтаю о хорошей жизни, хочу любви и романтики. Но меня воспитали так, чтобы я считала одно никчемным, а другое – отвратительным. И как бы ни старалась, я не могу отделаться от мысли, что Поппи Дэнфорт стала синонимом никчемности и отвержения, хотя я сделала все возможное, чтобы избавиться от этого чувства...

* * *

– Возможно, нам стоит продолжить наш разговор на следующей неделе.

Произнеся последнюю фразу, она долго молчала и прерывисто дышала. Мне не нужно было заглядывать в ее кабинку, чтобы понять, что она едва сдерживается, и если бы мы находились в современной исповедальне, я мог бы взять ее за руку, коснуться плеча или сделать что-нибудь другое. Но сейчас я способен был лишь предложить слова утешения и чувствовал, что в настоящий момент она уже перестала их воспринимать.

– Ой, хорошо. Я... отняла у вас слишком много времени? Простите меня, я как-то не привыкла к правилам.

– Ничего страшного, – тихо отвечаю я. – Но тебе не кажется, что лучше начать с малого?

– Да, – пробормотала девушка. Я слышал, как она собирает свои вещи и открывает дверь, продолжая говорить: – Да, полагаю, вы правы. Так что... никакого покаяния или чего-то еще, что я должна сделать? На прошлой неделе я гуглила «исповедь», и там говорилось, что иногда требуется покаяние, например, прочитать молитву Деве Марии или что-то еще.

Немного поразмыслив и решив, что проще будет объяснить понятия покаяния и раскаяния, глядя ей в глаза, а не через эту дурацкую перегородку, я тоже вышел из кабинки и замер как вкопанный.

Ее голос был сексуальным, а смех – еще сексуальнее. Но они не шли ни в какое сравнение с ней самой.

У нее были длинные темные, почти черные волосы и очень бледная кожа, подчеркнутая ярко-красной помадой на губах. Своими тонкими чертами лица с высокими скулами и большими глазами она напоминала девушек из глянцевого журнала. Но больше всего меня привлек рот: полные, слегка приоткрытые губы. Два передних зуба выделялись немного больше остальных – такой вот недостаток, но почему-то он придавал ей еще больше сексуальности.

И, прежде чем смог остановить себя, я подумал:

«Хочу погрузить свой член в этот ротик».

«Хочу, чтобы с этих губ срывалось мое имя».

«Хочу...»

Я бросил взгляд на распятие, расположенное в передней части церкви.

«Помоги мне, – помолился я про себя. – Это одно из твоих испытаний?»

– Отец Белл, – позвала девушка.

Я сделал глубокий вдох, прошептав про себя еще одну молитву, чтобы она не заметила, что все мое внимание приковано к ее губам... или что шерстяные брюки внезапно стали мне тесноваты в области ширинки.

– Думаю, сейчас нет никакой нужды в покаянии. На самом деле я считаю, что твое возвращение сюда для дальнейшего разговора само по себе является небольшим актом раскаяния. Ты так не думаешь?

Легкая улыбка коснулась ее губ, и мне захотелось целовать ее до тех пор, пока она не прижмется ко мне, умоляя овладеть ее телом.

«Срань господня, Тайлер. Какого хрена?»

Мысленно я прочитал молитву Деве Марии, пока девушка поправляла ремешок своей сумочки на плече.

– Возможно, увидимся на следующей неделе?

Черт побери, способен ли я действительно пройти через это снова спустя неделю? Но потом я вспомнил ее слова, пропитанные болью и душевным смятением, и снова испытал дикое желание утешить ее. Дать ей своего рода покой, искру надежды и энергии, которыми она могла бы наполнить свою новую полноценную жизнь.

– Конечно. С нетерпением жду нашей встречи, Поппи. – Я не собирался произносить ее имя, тем более таким голосом, от которого раньше женщины падали на колени и тянулись к поясу моих брюк, мне даже не приходилось просить их об этом. Но все же я сделал это.

И ее возбуждение отозвалось пульсацией в моем члене. Ее глаза расширились, черные зрачки заполнили почти всю радужную оболочку, а на шее затрепетала венка. Мало того, что меня самого тянуло к ней, о чем свидетельствовала реакция моего тела, она сама тоже чувствовала влечение ко мне.

Все это только ухудшило ситуацию, потому что теперь лишь тонкая грань моего самоконтроля удерживала меня от того, чтобы перегнуть ее через скамью и отшлепать по кре-

мово-белой заднице за то, что она возбуждала меня вопреки моему желанию, заставляла думать о своих греховных губах, в то время как я должен был молиться о ее вечной душе.

Я прочистил горло. Единственное, что помогло мне сохранить спокойствие в голосе, – это три года твердой дисциплины.

– И просто чтобы ты знала...

– Д-да? – спросила девушка, закусив пухлую нижнюю губу.

– Тебе необязательно приезжать сюда из самого Канзас-Сити, чтобы исповедаться. Я уверен, любой священник там будет рад выслушать тебя. Мой собственный исповедник, отец Брэйди, довольно хорош в этом, и он живет в центре Канзас-Сити.

Она слегка склонила голову набок, словно маленькая птишка.

– Но я больше не живу в Канзас-Сити. Я живу здесь, в Уэстоне.

«Твою ж мать!»

* * *

Вторники, черт бы их побрал.

Я отслужил раннюю утреннюю мессу в почти пустой церкви, на которой присутствовали лишь две старушки в шляпах и Роуэн, а затем отправился на пробежку, мысленно перечисляя все дела, запланированные на сегодня. Я собирался составить информационный пакет для нашей молодежной группы, которая хотела отправиться в поездку следующей весной, а также подготовиться к проповеди на этой неделе.

Уэстон – город отвесных утесов. Его рельеф состоит из полей, спускающихся к реке Миссури, перемежающихся невероятно крутыми холмами, – просто «райское наслаждение» для пробежек, но отличная возможность прояснить мысли. Преодолев первые шесть миль, я взмок от пота и тяжело дышал. Сделал музыку громче, чтобы голос Бритни заглушил все остальное.

Я завернул за угол, на главную улицу города, тротуары в основном были безлюдны. В будний день мало кто прогуливался по антикварным магазинам и художественным лавкам. Мне навстречу попала лишь одна пожилая пара, от которой я успел увернуться, преодолевая крутой подъем дороги. Бедро и икроножные мышцы ныли от напряжения, пот стекал по шее, плечам и спине, волосы промокли, а каждый вдох казался наказанием. Да еще и утреннее солнце палило вовсю, окатывая мое тело волнами августовской жары, поднимающейся от асфальта.

Но мне это нравилось.

Все проблемы отошли на второй план: предстоящий ремонт церкви, проповеди, которые мне нужно было написать, Поппи Дэнфорт.

Особенно Поппи Дэнфорт. Прежде всего – она и осознание того, что сама мысль о ней меня возбуждала.

Я немного ненавижу себя за то, что произошло вчера. Она явно была хорошо образованной, умной и интересной женщиной и обратилась ко мне за словами помощи, несмотря на то что не являлась католичкой. И, вместо того чтобы видеть в ней агнца, нуждающегося в наставлении, в течение всего нашего разговора я был зациклен лишь на ее губах.

Я священник. Дал обет Богу, что до конца жизни больше не прикаснусь к чужому телу, да и к собственному – тоже, откровенно говоря. Но при этом мои мысли о Поппи были за гранью пристойности.

Мое призвание – быть пастухом, а не волком.

Не зверем, который проснулся сегодня утром, вжимаясь бедрами в матрас, потому что ему приснился очень эротичный сон о Поппи и ее плотских грехах.

При воспоминании об этом меня накрыло чувство вины.

«Я попаду в ад, – подумал я. – Мне точно не спастись от Божьей кары.»

Потому что каким бы виноватым себя ни чувствовал, я сомневался в том, что смогу контролировать себя, когда снова увижу ее.

Нет, не совсем так. Я знал, что смог бы, но просто не хотел. Более того, не хотел отказываться от права хранить в своем сознании воспоминания о ее голосе и теле и ее рассказы.

Что и являлось проблемой. Преодолевая последнюю милю, я задался вопросом: что бы я сказал своему прихожанину, оказавшемуся в подобной ситуации? Как бы помог понять то, чего хотел бы Бог?

«Чувство вины – это сигнал, который подает тебе твоя совесть о том, что ты отклонился от пути Господня.

Покайся перед Господом в своем грехе открыто и искренне. Попроси о прощении и о том, чтобы он дал тебе силу преодолеть искушение, если оно снова возникнет.

И, наконец, огради себя от этого искушения».

Впереди появились церковь и дом приходского священника. Теперь я знал, что нужно сделать. Я собирался принять душ, а затем провести долгие часы в молитвах о прощении.

И о силе. Да, я собирался попросить у Господа дать мне силу.

При следующей встрече с Поппи я собирался найти способ сказать ей, что больше не могу быть ее исповедником. По какой-то причине эта мысль повергла меня в отчаяние, но я уже достаточно долго служил пастырем, и кому как не мне знать, что иногда лучшее решение сопровождается огромной болью, пусть и непродолжительной.

Я остановился на перекрестке в ожидании зеленого сигнала светофора. Теперь, когда у меня был план, которому необходимо следовать, словно камень с души свалился. Все должно было наладиться, я в этом не сомневался.

– Бритни Спирс значит?

Этот голос. И хотя я слышал его всего дважды, он оставил в памяти неизгладимый след.

Пусть это было ошибкой, но я все равно повернулся, вынимая наушники из ушей.

Она тоже была на пробежке и, судя по всему, покрыла немалое расстояние, как и я. На ней были спортивный бюстгальтер и непростительно короткие шорты, которые едва прикрывали ее идеальную попку. Пот ручейками стекал по телу, красная помада сегодня отсутствовала, но без нее рот выглядел еще притягательнее. Единственное, что спасло меня от пожирания его взглядом, – это вид ее подтянутых бедер, плоского живота и упругой груди, практически выставленных напоказ.

Вся кровь прилила к моему паху.

Глядя на ее улыбку, я вспомнил, что она что-то сказала.

– Прости? – Слова прозвучали хрипло, едва слышно. Я поморщился, но ее, похоже, это нисколько не смутило.

– Просто я никогда бы не подумала, что вы фанат Бритни Спирс, – ответила она, указывая на прикрепленный к моему бицепсу iPhone, на экране которого светилась обложка альбома O-rps... I Did It Again. – Тем более ее старых песен.

Если бы у меня лицо уже не горело от бега и жары, то я покраснел бы. Потянувшись к телефону, я постарался незаметно сменить песню.

Поппи засмеялась.

– Все в порядке. Я просто притворюсь, что видела вас слушающим... что обычно праведники слушают на пробежке? Псалмы? Нет, не отвечайте. Поющих монахов.

Я шагнул к ней, и она прошлась глазами по моему обнаженному торсу вниз, к шортам, сидящим низко на бедрах. Когда Поппи снова встретилась со мной взглядом, ее улыбка немного померкла, а соски превратились в маленькие твердые горошины под спортивным бюстгальтером.

Я на минуту закрыл глаза, пытаясь успокоить свой набухающий член.

– Или, возможно, что-то совершенно противоположное, например, шведский дэт-метал или типа того. Нет? Эстонский дэт-метал? Филиппинский?

Я открыл глаза и постарался подумать о чем-нибудь, совершенно далеком от секса. Вспомнил свою бабушку, подумал о потертом ковре перед алтарем, представил вкус коробочного вина для причастия.

– Похоже, я вам не особо нравлюсь? – спросила она, и ее слова вернули меня в реальность. Она с ума сошла, что ли? Неужели она считала, что мое неконтролируемое возбуждение от ее присутствия свидетельствовало о неприязни? – Вы были так добры ко мне, когда я впервые пришла к вам. Но мне кажется, что я вас чем-то разозлила. – Она посмотрела вниз, на свои ноги, и это движение только подчеркнуло, насколько длинными и густыми были ее ресницы.

Меня безумно возбуждали даже ее ресницы – это что-то новенькое, стоило признать.

– Ты ошибаешься, – ответил я, почувствовав облегчение, оттого что мой голос звучал почти нормально, сдержанно и доброжелательно. – Я так рад, что ты нашла достаточно ценного в своем опыте, чтобы вернуться в церковь.

Я уже собрался попросить ее найти новое место, где бы она могла исповедоваться, но Поппи заговорила первой:

– Как ни странно, но это действительно так. На самом деле я рада, что столкнулась с вами. На церковном сайте увидела – у вас есть приемные часы, когда можно просто поговорить. И мне стало интересно, могу ли я как-нибудь прийти, необязательно на исповедь...

«Господи, спасибо!»

– Не знаю, может, поговорить о чем-то другом. Я пытаюсь начать все с чистого листа, но меня не оставляет чувство, что чего-то не хватает. Как будто мир, который меня окружает, лишен красок и энергии. А после того, как дважды поговорила с вами, мне стало... легче. Хотела бы я знать, действительно ли мне нужна религия, потому что, честно говоря, не уверена, что это то, чего я хочу.

Ее признание разбудило во мне инстинкт священника, которому небезразлична судьба его прихожанки. Глубоко вздохнув, я рассказал ей о том, о чем говорил много раз другим людям, но я по-прежнему верил в эти слова, словно произносил их впервые.

– Я верю в Бога, Поппи, но также и в то, что духовность не для всех. Ты можешь найти нужное в профессии, которую любишь, или в путешествиях, или в семье, или еще в целом ряде вещей. А может, обнаружишь, что другая религия подходит тебе больше. Я не хочу, чтобы ты чувствовала себя обязанной знакомиться с католической церковью по какой-то другой причине, кроме искреннего интереса или любопытства.

– А как насчет безумно сексуального священника? Это достаточно веская причина для знакомства с церковью?

Должно быть, я выглядел шокированным – в основном потому, что ее слова лишали меня последних остатков самообладания, – и она рассмеялась. Звук ее смеха был почти пудрачки звонким и приятным. Такой смех обычно разносится эхом по банкетным залам, либо его можно услышать возле любого бассейна в Хэмптонс.

– Расслабьтесь, – произнесла она. – Я пошутила. То есть вы действительно безумно сексуальны, но причина моего интереса не в этом. По крайней мере... – она снова окинула меня взглядом с головы до ног, вызвав волну жара во всем теле, – это не единственная причина. – Тут загорелся зеленый свет, и она побежала прочь, махнув на прощание рукой.

Я был в полной заднице.

III

Я направился напрямик домой и принимал ледяной душ до тех пор, пока мысли не прояснились, а эрекция наконец-то не спала. Хотя, судя по недавним событиям, можно не сомневаться, что при первой же встрече с Поппи она тут же вернется.

Ладно, допустим, я не сумел бы избавиться от этого желания, но я мог бы лучше контролировать себя. Больше никаких фантазий. Никаких пробуждений оттого, что трахаю матрас, увидев ее в своем сне. И, возможно, разговор с ней пошел бы мне на пользу – я бы относился к ней как к личности, как к заблудшей душе, ищущей своего Бога, а не как к сексуальному объекту.

С идеальными ножками.

Я натянул брюки поверх боксеров и надел чистую черную рубашку, закатав, как обычно, длинные рукава до локтей. Не раздумывая протянул руку к колоратке. Я нуждался в ней как в напоминании, хотел, чтобы она не позволяла мне забывать о необходимости практиковатьсясамоотречение, а также о причине, почему я должен это делать.

Я делаю это для моего Бога.

Я делаю это для моего прихода.

Я делаю это для своей сестры.

Именно поэтому Поппи Дэнфорт приводила в замешательство. Я хотел быть воплощением сексуальной непорочности для своей паствы. Хотел, чтобы они снова доверяли церкви. Хотел стереть пятна на имени Господа, оставленные безбожниками.

И еще я хотел безболезненно вспоминать о Лиззи, чтобы мое сердце при этом не разрывалось на части от чувства вины, сожаления и бессилия.

Знаете что? Я раздувал проблему на пустом месте. Все должно было быть хорошо. Я провел рукой по волосам и сделал глубокий вдох. Одна женщина, какой бы сексуальной она ни была, не могла разрушить все, что было свято для меня в духовенстве. Я не собирался позволить ей уничтожить все, над чем так упорно трудился.

* * *

Я не всегда отправляюсь домой в свой выходной по четвергам, хотя родители живут всего в часе езды, но в этот раз решил их навестить. Всю неделю я испытывал умственное и физическое напряжение из-за того, что старался избегать Поппи во время утренних пробежек, а также потому что за последние два дня принял примерно двадцать ледяных душей.

Я просто хотел отвлечься без колоратки: поиграть в видеоигры, насладиться маминой едой. Хотел выпить пива (шесть-семь) с отцом и послушать нытье своего младшего брата-подростка о том, как очередная девчонка воспринимает его только как друга. Я просто хотел сменить обстановку, не думать о приходе, о Поппи и об остальной части моей жизни, а просто расслабиться.

Мама с папой не разочаровали. Два других моих брата тоже были там, хотя у каждого из них была своя жизнь и свое жилье. Но ничто не дарит такого утешения, как мамина стряпня и комфорт родительского дома.

После ужина Шон и Эйден надрали мне задницу в последней версии Call of Duty, а Райан в это время переписывался по телефону с очередной подружкой. В доме все еще витали ароматы лазаньи и чесночного хлеба. Наша сестра Лиззи наблюдала за всеми нами с фотографии над телевизором. Она умерла в две тысячи третьем, но навсегда осталась в наших сердцах

красивой девушкой, крашеной блондинкой, с косой челкой и широкой улыбкой, за которой скрывалось много такого, о чем мы узнали слишком поздно.

Я долго смотрел на эту фотографию, пока Шон и Эйден болтали о своей работе – они оба специализировались на инвестициях, – а мама с папой играли в Candy Crush, сидя бок о бок в креслах с откидывающейся спинкой.

«Прости меня, Лиззи. Прости за все».

Конечно же, умом я понимал, что ничего не мог тогда сделать, но это не помогало избавиться от всплывшего в памяти образа ее бледного лица, посиневших губ или красных глаз с полопавшимися капиллярами.

Я не мог забыть, как, войдя в гараж в поисках батареек для фонарика, вместо них нашел холодное тело своей единственной сестры.

Тихий голос Шона вывел меня из мрачной задумчивости, и постепенно я вернулся в настоящее, прислушиваясь к скрипу папиного кресла и словам Шона.

– ... Только по приглашению, – сказал он. – Слухи ходят уже много лет, но я поверил, что он действительно существует, только когда получил письмо.

– Ты собираешься туда пойти? – Эйден тоже говорил тихо.

– Черт, конечно же, собираюсь.

– Куда собираешься? – поинтересовался я.

– Не твоя забота, святоша.

– Тебя пригласили в «Чаки Чиз»? Я так тобой горжусь.

Шон закатил глаза, а Эйден наклонился ближе.

– Может, Тайлеру стоит об этом узнать? Ему, возможно, не помешало бы избавиться от лишнего... напряжения.

– Туда пускают только по приглашениям, придурок, – возразил Шон. – А это значит, что он не может пойти.

– Предполагается, что это лучший стрип-клуб в мире, – продолжил Эйден, не обращая внимания на оскорбление Шона. – Но никто не знает, как он называется или где находится, пока не получит личное приглашение. Говорят, туда пускают только тех, чей годовой доход больше миллиона.

– Тогда почему Шона пригласили? – удивился я. Шон был старше меня на три года и все еще прокладывал себе путь по карьерной лестнице. Он зарабатывал довольно прилично (охрененно много, на мой взгляд), но до миллиона в год ему было еще далеко. Пока что.

– Потому что, дебил, у меня есть нужные связи. Связи намного важнее, чем какие-то деньги.

Эйден слегка повысил голос, когда заговорил:

– Особенно когда они помогают тебе с выбором кис...

– Мальчики, – перебил нас отец, не отрывая взгляда от телефона, – ваша мать все еще здесь.

– Прости, мам, – произнесли мы в один голос.

Она просто отмахнулась от нас. За тридцать с лишним лет с четырьмя сыновьями она научилась не воспринимать подобные вещи.

Райан ввалился в комнату, пробормотав отцу, что ему нужны ключи от машины, а Шон и Эйден придвинулись еще ближе.

– Я иду туда на следующей неделе, – признался Шон. – Потом вам все расскажу.

Эйден, который на пару лет младше меня и все еще новичок в бизнесе, вздохнул.

– Я хочу быть таким, как ты, когда немного повзрелею.

– Лучше уж мной, чем мистером Непорочность. Скажи-ка, Тайлер, у тебя правая рука еще не отваливается?

Я швырнул ему в голову диванную подушку.

– Хочешь свою помощь мне предложить?

Шон с легкостью увернулся от подушки.

– Назови время, сладенький. Спорим, я найду отличное применение этому маслу для помазания болящих.

– Ты отправишься в ад, – простонал я.

– Тайлер! – вмешался отец. – Никаких разговоров о том, что твой брат отправится в ад. –

Он по-прежнему не отрывался от телефона.

– Каков смысл всех этих ночей в одиночестве, если не можешь время от времени кого-то порицать? – спросил Эйден, потянувшись за пультом.

– Знаешь что, Динь-Динь, может, мне стоит найти возможность сводить тебя в клуб? Ведь ничего страшного не произойдет, если ты просто посмотришь, верно?

– Шон, я не собираюсь идти с тобой в стрип-клуб, каким бы крутым он ни был.

– Ладно. Думаю, ты можешь провести вечер следующей пятницы вместе со своим плакатом святого Августина. Снова. – Я швырнул в него еще одну подушку.

Братья-бизнесмены уехали около десяти вечера обратно в свои фешенебельные квартиры, а Райан еще не вернулся, занимаясь тем, для чего ему так сильно нужна была машина. Отец задремал в кресле, а я растянулся на диване и смотрел шоу Джимми Фэллона, размышляя, какой фильм выбрать для показа в средней школе в следующем месяце, как вдруг услышал шум на кухне.

Я нахмурился. Мы с братьями, включая недовольного Райана, специально перемыли всю посуду, чтобы это не пришлось делать маме. Но, войдя на кухню, чтобы узнать, не нужна ли моя помощь, я увидел, что она яростными кругами натирает мойку из нержавеющей стали в клубящихся парах горячей воды.

– Мам!

Она обернулась, и я сразу же заметил, что она плакала. Мама быстро улыбнулась мне и выключила воду, попутно вытирая слезы.

– Прости, милый. Просто прибиралась.

Это Лиззи. Я знал, что причина в ней. Каждый раз, когда мы собирались вместе, все семейство Белл, я замечал, как она смотрит на стол, представляя дополнительный столовый прибор для еще одного человека или еще один набор грязной посуды в мойке.

Смерть Лиззи едва не убила меня. Но она вдребезги разбила сердце мамы. И каждый день после этого мы старались поддерживать ее объятиями, шутками и постоянными визитами теперь, когда повзрослели. Но временами можно было заметить, что какая-то часть маминой души умерла вместе с ее дочерью, и огромную роль в этом сыграла наша церковь, сначала доведя Лиззи до самоубийства, а затем отвернувшись от нас, когда история стала достоянием общности.

Иногда мне казалось, что я сражаюсь не на той стороне. Но кто помог бы моей семье, если не я?

Я обнял маму, и она сморщилась, готовая разразиться новыми слезами.

– Она теперь с Богом, – прошептал я, во мне боролись священник и любящий сын. – Господь присмотрит за ней, обещаю.

– Я знаю, – всхлинула она. – Знаю. Но иногда я задаюсь вопросом...

Я понимал, о чем она говорит. Я тоже об этом задумывался в самые мрачные часы депрессии, какие признаки я пропустил, что должен был заметить в те моменты, когда Лиззи, казалось, хотела мне что-то рассказать, но потом вместо этого замыкалась в себе.

– Думаю, мы никогда не сможем перестать задавать себе эти вопросы, – тихо произнес я. – Но ты не должна переживать эту боль в одиночестве. Я хочу разделить ее с тобой. И я знаю, что папа тоже хотел бы.

Мама кивнула, уткнувшись в мою грудь, и мы долго так и стояли, обнявшись, слегка покачиваясь из стороны в сторону, мысленно возвращаясь к тому, что произошло двенадцать лет назад, и думая о кладбище, расположенном недалеко от родительского дома.

* * *

Только возвращаясь домой на своем грузовике под звуки плейлиста из мрачных хипстерских песен вперемешку с песнями Бритни Спирс, я увидел связь между клубом Шона и признанием Поппи. Она упоминала какой-то клуб и обмолвилась, что большинство людей посчитали бы его греховным. Мог ли это быть один и тот же клуб?

Я ощутил укол ревности, но отказался признать это и, стиснув зубы, выехал на междуштатную автомагистраль. Меня не волновало, что Шон увидит этот клуб, место, где Поппи, возможно, обнажала свое тело. Нет, совершенно не волновало.

И эта ревность не имела никакого отношения к внезапному решению найти девушку на следующий день и выполнить ее просьбу о разговоре в приемные часы. «Я просто беспокоюсь о ней», – заверял я себя. Именно поэтому я хотел показать, что ей рады в нашей церкви, дать утешение и наставление. Я чувствовал, что она была из тех, кого нелегко сбить с пути, сломить, но что-то привело ее в незнакомую исповедальню и довело до слез... Словом, никто не должен выносить такие тяготы в одиночестве.

Особенно если он или она такие сексуальные, как Поппи.

«Прекрати думать об этом».

* * *

Найти Поппи не составило никакого труда. На самом деле мне не пришлось ничего делать. Я всего лишь миновал открытый сушильный сарай для табака во время утренней пробежки и столкнулся с ней, когда она поворачивала из-за угла. Девушка споткнулась, и мне удалось удержать ее от падения, прижав к своей груди.

– Черт, – выругался я, вытаскивая наушники из ушей, – мне ужасно жаль! Ты в порядке?

Она кивнула, наклонив голову и одарив меня легкой улыбкой, от которой по коже побежали мурашки. Она была такой абсолютно несовершенной с двумя выступающими передними зубами и капельками пота, покрывающими ее лицо. В этот момент до нас внезапно дошло, в каком положении мы находились: она в моих объятиях в спортивном бюстгальтере, а я без рубашки. Я опустил руки и сразу пожалел об этом, потому что хотел снова почувствовать, как ее торчащие соски прижимаются к моей обнаженной груди.

«В дальнейшем не стоит к ней так прикасаться», – мысленно велел я себе. Я уже представлял очередной ледяной душ в ближайшее время.

Небрежно, практически невинно она положила руку мне на грудь, при этом одарив полуулыбкой.

– Если бы не вы, я бы упала.

– Если бы не я, ты вообще не подверглась бы такому риску.

– Тем не менее я ничего не стала бы менять. – Ее прикосновения, слова, эта улыбка...

Она что, флиртовала? Но потом Поппи улыбнулась еще шире, и я понял, что она просто поддразнивала меня в той безопасной, игривой манере, в которой девушки общаются со своими друзьями-геями. Рядом со мной она чувствовала себя в безопасности, и почему должно было быть по-другому? В конце концов, я был духовным лицом, которое заботилось о своей пастве по воле Божьей. Конечно, Поппи предположила, что может дразнить, прикасаться ко мне, не беспокоясь о приличествующем священнику самообладании. Откуда ей было знать, что ее

слова и голос делали со мной? Осознавала ли она, что в данный момент ее ладонь обжигала мою грудь?

Она подняла свои глаза – эти зелено-карие омуты, полные любопытства и интеллекта, в которых, если хорошо приглядеться, отражались горе и замешательство. Этот взгляд мне был хорошо знаком, потому что в течение многих лет после смерти Лиззи у меня был такой же. Только в случае с Поппи я подозревал, что человеком, о котором она горевала, которого потеряла, была она сама.

«Позволь мне помочь этой женщине, – мысленно взмолился я. – Позволь помочь ей встать на путь истинный».

– Очень рад, что встретил тебя, – сказал я, расправив плечи, и она убрала руку с моей груди. – Ранее на этой неделе ты говорила, что хочешь поговорить.

Она радостно кивнула в ответ.

– Хотела. В смысле, хочу.

– Как насчет моего офиса, скажем, через полчаса?

Она шутливо отсалютовала мне.

– Увидимся позже, святой отец.

Я старался не смотреть ей вслед, действительно старался, но всего лишь на секунду, бесконечно долгую секунду, задержал свой взгляд на ее удаляющейся фигуре, и этого было достаточно, чтобы запомнить блеск пота и солнцезащитного крема на ее подкачанных плечах и дразнящие движения ее попки.

После этого мне определенно потребовался ледяной душ.

IV

Полчаса спустя я снова облачился в свою церковную одежду: черные брюки, кожаный ремень от Армани (доставшийся мне по наследству от одного из моих братьев-бизнесменов), черную рубашку с длинными рукавами, закатанными до локтей. И, конечно же, в мою колодратку. Святой Августин строго смотрел на меня со стены офиса, напоминая о том, что я здесь для того, чтобы помочь Поппи, а не предаваться мечтам о спортивных бюстгальтерах и шортах для бега. И я хотел помочь ей. Вспомнил, как она тихо плакала в исповедальне, и мое сердце сжалось от боли.

Я собирался помочь ей, даже если это убило бы меня.

Поппи появилась в церкви на минуту раньше оговоренного, и ее непринужденная пунктуальность, когда она вошла в дверь, свидетельствовала о том, что она не привыкла опаздывать. Она явно получала удовольствие от этого и была из тех людей, которые не понимают других, кто не приходит вовремя. Между тем я в течение трех лет вставал в семь утра, но так и не превратился в жаворонка, и чаще всего месса начиналась не в восемь, а на десять минут позже.

– Привет, – произнесла она, когда я указал ей на стул рядом с собой. Я выбрал два стула с мягкой обивкой в углу кабинета, потому что ненавижу разговаривать с людьми, сидя за рабочим столом, словно директор школы. К тому же мне хотелось иметь возможность утешить Поппи, прикоснуться к ней, если возникнет такая необходимость, продемонстрировать ей более личный подход, чем древняя «будка смерти».

Она опустилась на стул с такой грациозностью и элегантностью, и это чертовски завораживало... Все равно что наблюдать, как балерина завязывает ленты своих пуантов или гейша наливает чай. Она снова покрасила губы тем возбуждающим оттенком помады, ярко-красным. На ней были шорты с высокой талией и блузка с завязками на шее. Ее наряд больше подходил для субботней прогулки на яхте, чем для встречи в моем мрачном кабинете. Но ее волосы все еще были влажными, а на щеках играл румянец, оставшийся после пробежки, и я ощутил прилив собственнической гордости оттого, что мне довелось увидеть эту элегантную женщину слегка растрепанной, что было совершенно неуместно. Я постарался взять себя в руки.

– Спасибо, что согласились встретиться со мной, – продолжила она, скрестив ноги и положив сверху сумочку. Хотя это была не сумочка, а, скорее, элегантная сумка для ноутбука, наполненная кипой разноцветных папок. – Я много думала о том, чтобы найти что-то подобное, но никогда не была верующей, и какая-то часть меня все еще противится этой идее...

– Не надо думать об этом как о чем-то религиозном, – посоветовал я. – Я не собираюсь обращать тебя в веру. Почему бы нам просто не поговорить? И, возможно, ты захочешь принять участие в каких-либо мероприятиях или групповых встречах, если, конечно, тебе это понадобится.

– А если нет? Вы направите меня к методистам?

– Я бы никогда так не поступил, – возразил я с напускной серьезностью. – И всегда в первую очередь ссылаюсь на лютеран.

Мои слова вызвали у нее улыбку.

– Так как ты оказалась в Канзас-Сити?

Она поколебалась.

– Это долгая история.

Я откинулся на спинку стула, показав ей, что готов слушать.

– У меня полно времени.

– К тому же скучная, – предупредила она.

– Я провожу свои дни, упражняясь в литургических законах, которые восходят к Средневековью. Поверь мне, я знаю, что такое скука.

– Ладно, хорошо, только не уверена, с чего начать, поэтому, думаю, стоит вернуться к самому началу. – Ее взгляд скользнул к полке с книгами, и она прикусила нижнюю губу, словно пыталась решить, каким на самом деле было начало. – Я не типичная беглянка, – продолжила она после минутного молчания. – Я не сбегала через окно в шестнадцать лет и не угоняла автомобиль отца, чтобы доехать до ближайшего побережья океана. Я была прилежным и послушным ребенком, любимой дочерью отца вплоть до тех пор, пока не поднялась на сцену Дартмутского колледжа и не получила диплом магистра делового администрирования. Я взглянула на своих родителей и наконец по-настоящему поняла, кем для них являлась – еще одним ценным вложением, очередной папкой в портфеле инвестиций.

«Вот она, наша младшенькая, – я прямо видела, как они хвастаются сидящей рядом семье. – Окончила колледж с отличием и, знаете, училась только в лучших школах. Последние три лета провела добровольцем на Гаити. Она могла бы танцевать в Джульардской школе искусств, но, конечно же, предпочла изучать бизнес, наша здравомыслящая девочка».

– Ты работала добровольцем на Гаити? – перебил я.

Она кивнула.

– В благотворительной организации под названием Maison de Naissance⁴. Там гаитянки могут получить бесплатную дородовую помощь, а также родить. Это единственное место помимо летнего домика в Марселе, где французский, который я изучала в школе-интернате, хоть немного мне пригодился.

Дартмут. Марсель. Школа-интернат. С самого начала я чувствовал, что Поппи была утонченной девушкой, и после ее упоминания о Ньюпорте у меня возникли предположения, что в какой-то момент ее жизни она познала привилегии и богатство, но теперь я точно понимал, насколько большими были эти привилегии и богатство. Я изучал ее лицо. В этих чертах отражались преуспевающая уверенность, какая-то старомодная склонность к этикету, воспитанность, но в то же время не было ни намека на претенциозность или элитарный снобизм.

– Тебе нравилось там работать?

Она тут же просияла.

– Конечно! Это прекрасное место с замечательными людьми. В мое последнее лето там я помогла родиться семи младенцам, двое из которых были близнецами... Они были такими крошечными, и акушерка позже сказала мне, что если бы их мама не приехала в медицинский центр, то она и ее малыши почти наверняка умерли бы. Я даже помогла этой мамочке выбрать имена для ее сыновей. – Поппи немного засмушалась, и я понял, что сейчас она впервые смогла поделиться этой радостью с кем-либо. – Я скучаю по этой работе.

Я расплылся в улыбке. Не смог удержаться, просто редко видел, чтобы кто-то так радовался, помогая нуждающимся людям.

– Для моей семьи идея благотворительности заключается в проведении политического сбора средств, – сказала она, насмешливо скривив губы. – Или в огромном пожертвовании на какую-нибудь благотворительную кампанию, чтобы сфотографироваться с гигантским чеком. А затем они спокойно перешагнут через бездомных в городе. Такой позор.

– Это обычное дело.

Она яростно замотала головой.

– Такого не должно быть. Я, по крайней мере, отказываюсь так жить.

Она молодец. Я полностью ее поддерживал, но при этом я вырос в религиозной среде, привык к добровольческой деятельности. Для меня это не составляло труда, но сомневаюсь, что подобное убеждение далось ей легко. Мне ужасно хотелось остановить ее рассказ на этом месте, услышать больше о ее жизни на Гаити, поведать о том, как она могла бы помочь

⁴ Maison de Naissance (англ. Home of Birth) – Центр медицинской помощи роженицам на острове Гаити, действующий при поддержке Международного благотворительного фонда родильных домов.

людям здесь, в церкви Святой Маргариты. Мы нуждались в таких людях, как она, которым не все равно, в добровольцах, готовых пожертвовать свои время и способности, а не только деньги. По правде говоря, я чуть не выпалил все это вслух. Я едва удержался, чтобы не встать перед ней на колени и не начать умолять помочь нам в благотворительной столовой или с приготовлением оладий на завтрак, потому что нам постоянно не хватало персонала и не мешала бы ее помощь, и, если откровенно, я хотел занять ее любым возможным делом и постоянно видеть ее рядом.

Но, возможно, это была не лучшая идея. Поэтому я вернул нас к предыдущей, более безопасной, теме разговора:

– Итак, твой выпускной...

– Выпускной. Точно. Так вот, глядя на своих родителей, я поняла, что была всем, чего они хотели и к чему меня готовили. Я представляла собой полный комплект: ухоженный, с иголочки одетый идеал.

Такой она и была. На первый взгляд она действительно представляла собой идеальную упаковку... Но под этой маской совершенства, я чувствовал, скрывается намного больше. Взбалмошная и страстная, необузданная и творчески одаренная – ураган, запертый в хрупкой оболочке. Неудивительно, что она дала трещину.

– Я служила украшением жизни, в которой и так уже было слишком много шикарных автомобилей, фешенебельных домов, званых обедов и вечеринок по сбору средств. В этой жизни уже были двое других детей, которые также окончили Дартмутский колледж, а затем связали себя узами брака с такими же богатыми отпрысками и обзавелись маленькими богатеньким детишками. Мне суждено было работать в каком-нибудь офисе с застекленным вестибюлем и водить «мерседес» S-класса, по крайней мере, пока не выйду замуж. Потом я бы постепенно забросила работу и окунулась с головой в благотворительность, конечно же, до тех пор пока у меня не появились бы маленькие богатенькие детишки, чтобы пополнить семейные портреты. – Она посмотрела вниз, на свои руки. – Наверное, все это звучит нелепо, как будто я героиня одного из романов Эдит Уортон или что-то подобное.

– Все не нелепо, – заверил я ее. – Я прекрасно понимаю, о каких людях ты говоришь. – И это были не пустые слова. Я вырос в довольно хорошем районе, где подобные взгляды были широко распространены, хотя и в гораздо меньших масштабах. Семьи, живущие в прекрасных домах, имеющие двух и более детей, чьи имена красуются в списках отличников и которые также играли в школьный лякросс. Семьи, которые делали все возможное, чтобы остальные точно понимали, насколько успешными и здоровыми были их отпрыски. Будучи уроженцами Среднего Запада и обладая нужным набором качеств, они являлись настоящим воплощением американской мечты.

– Я навсегда отказалась от этой жизни, – призналась она. – Жизни героини книг Уортон. Я не хотела так жить и не могла. – Конечно же, она не могла. Она была гораздо выше этого. Но осознавала ли она это сама? Чувствовала ли? Даже я, едва ее зная, понимал, что она из тех женщин, которым нужен смысл в жизни, необходима какая-то конкретная и практическая цель. И вряд ли она нашла бы ее по другую сторону дартмутской сцены.

– Да, Стерлинг разбил мне сердце, – продолжила она, все еще разглядывая свои руки, – но я также горевала о своей жизни... хотя этого еще даже не произошло. Я взяла бутафорский диплом, который выдают перед тем, как отправить настоящий, спустилась со сцены и покинула территорию университета. Я не осталась на обязательное подбрасывание шапочек студентов и последующую фотосъемку, пропустила роскошный ужин, на котором настояли бы мои родители. Вместо этого я вернулась в свою квартиру, оставила на голосовой почте отца прощальное сообщение, запихнула вещи в машину и уехала. Больше никаких стажировок. Никаких благотворительных аукционов по десять тысяч долларов за ужин. Никаких свиданий с мужчинами, которые не были похожи на Стерлинга. Я оставила ту жизнь позади вместе со всеми кредит-

ными карточками отца. Отказалась от своего трастового фонда и решила обеспечивать себя сама.

– Ты поступила смело, – пробормотал я. Кто этот Стерлинг, о котором она постоянно упоминала? Бывший парень? Бывший любовник? В любом случае он, должно быть, был идиотом, раз отпустил Поппи.

– Смело или глупо, – засмеялась она. – Я выбросила на ветер годы обучения, дорогого обучения. Полагаю, мои родители сильно расстроились.

– Полагаешь?

– Я ни разу не общалась с ними после отъезда, – вздохнула она. – Прошло уже три года, и я знаю, они пришли бы в ярость...

– Ты не знаешь этого наверняка.

– Вам не понять, – возразила она, ее слова прозвучали осуждающе, но тон оставался дружелюбным. – Вы же священник, черт побери. Держу пари: ваши родители были в восторге, когда вы им сказали.

Я посмотрел вниз, на свои ноги.

– На самом деле моя мама расплакалась, а отец полгода не разговаривал со мной. Они даже не приехали на мое рукоположение. – Мне совершенно не хотелось вспоминать о том времени.

Когда я поднял на нее глаза, ее красные губы сжались в тонкую линию.

– Это ужасно. Так похоже на моих родителей.

– Моя сестра... – Я одернул себя и прочистил горло. Я говорил о Лиззи бесчисленное множество раз в своих проповедях, в небольших группах, во время индивидуальных бесед. Но по какой-то причине рассказывать Поппи о смерти сестры казалось более интимным, более личным. – В течение многих лет она подвергалась насилию со стороны нашего приходского священника. Мы ничего не знали, даже не подозревали...

Поппи положила ладонь на мою руку. Какая горькая ирония, что именно она утешала меня, а не наоборот, но в то же время это было приятно. Мне это нравилось. Ведь тогда некому было утешить меня, каждый из нас погрузился в свой собственный мир скорби. Не было никого, кто мог бы просто выслушать, какую боль я испытывал и испытываю до сих пор.

– Она покончила с собой, когда ей было девятнадцать, – продолжил я, словно прикосновение Поппи вызвало ответную реакцию, которую невозможно было остановить. – Оставила записку с именами других детей, которых он насиловал. Мы смогли остановить его, он был отдан под суд и приговорен к десяти годам тюремного заключения.

Я сделал глубокий вдох, замолчав на мгновение, потому что невозможно было усмирить ярость и скорбь – будоражащих кровь близнецов-драконов, которые сражались внутри меня. Всякий раз, думая об этом человеке, я испытывал такую неистовую ярость, что искренне верил: я способен на убийство. И сколько бы раз я ни молился, чтобы эта ненависть покинула меня, сколько бы раз ни заставлял себя повторять: «Я прощаю тебя, я прощаю тебя», представляя его лицо, она никогда на самом деле не угасала, эта ярость. Эта боль.

Наконец, взяв себя в руки, я продолжил:

– Другие семьи в приходе, не знаю, то ли не хотели верить в это, то ли чувствовали себя униженными из-за того, что доверяли ему, но какова бы ни была причина, они обозлились на нас, когда мы потребовали его ареста, и яростно обвиняли Лиззи в том, что она стала жертвой, что ей хватило наглости оставить записку с подробным описанием того, что произошло, и с именами других жертв. Другие священники пытались запретить для нее католические похороны, и даже новый пастырь проигнорировал нас. Вся наша семья перестала тогда ходить в церковь, отец и братья вообще потеряли веру в Бога. Только мама все еще верит, но никогда больше не вернется. Не считая ее визитов ко мне, она не ступала в церковь со дня похорон Лиззи.

– Но вы не потеряли, – отметила Поппи. – Вы по-прежнему верите.

В кабинете было прохладно из-за работающего кондиционера, и ее ладонь согревала мою руку.

– Я много лет не верил в него, – признался я.

Долгое время мы молча сидели, углубившись в воспоминания о мертвой девушке, осуждающих родителях и трагических событиях, которые оставили после себя затхлый запах пожухлых листьев в лесу.

– Значит, – произнесла она через некоторое время, – я полагаю, вы знаете, каково это – столкнуться с неодобрением родителей.

Я выдавил улыбку и постарался сохранить ее, когда Поппи убрала руку.

– Что ты делала после того, как покинула Дартмут? – поинтересовался я, желая сменить тему, потому что не хотел больше говорить о Лиззи и тех мучительных годах после ее смерти.

– Ну, – ответила она, поерзав на стуле, – я много чем занималась. Дело в том, что благодаря своему диплому я без труда нашла бы себе работу, но как я могла быть уверена, что работодатели ценили меня не за мои достижения во время учебы, или дорогуший диплом, или фамилию? Проработав полгода в нью-йоркской конторе и чувствуя, будто имя Дэнфорт выгравировано у меня на лбу, я все бросила и уехала так же внезапно, как и из Нью-Гэмпшира. Я проезжала город за городом, пока не пропало желание бежать дальше. Именно так я оказалась в Канзас-Сити.

Поппи глубоко вдохнула. Я ждал.

– Никогда не думала, что скачусь до работы в этом клубе, – наконец сказала она, понизив голос. – Я рассчитывала найти работу в какой-нибудь небольшой некоммерческой организации или заняться чем-то более прозаичным, например, стать официанткой. Но услышала от одного бармена, что где-то в городе есть частный клуб, куда не каждый может попасть, и они ищут девушек, которые выглядят дорого.

– Таких как ты?

Поппи не обиделась. Она просто рассмеялась. Каждый раз при звуке ее гортанного смеха во мне разгорался огонь возбуждения.

– Да, таких как я. Светлокожих девушек, родившихся с серебряной ложкой во рту. Любимиц богачей. И знаете что? Это было идеально. Я должна была танцевать – так долго я не танцевала нигде, кроме как на званых вечерах. В общем, это было довольно элитное место. Обязательная плата за вход в пятьсот долларов, семьсот пятьдесят долларов за столик и тысяча – за приватный танец. Никаких прикосновений со стороны клиентов. Им разрешалось заказать максимум два напитка. Клуб обслуживал очень специфическую клиентуру, и вот так оказалось, что я раздевалась для тех же мужчин, которые могли бы стать моими работодателями, или жениться на мне, или сделать пожертвование в один из моих благотворительных проектов в той, другой, жизни. И мне это очень нравилось.

– Нравилось?

«Дрянная девчонка».

Эта непрошенная мысль возникла из ниоткуда, но от нее невозможно было избавиться. Я снова и снова проигрывал эти слова в голове: «Непристойная, дрянная девчонка».

Она снова подняла на меня свои карие глаза.

– Разве это плохо? Разве это грех? Нет, не отвечайте. На самом деле я не хочу знать.

– Почему тебе нравилось там танцевать? – спросил я любопытства ради, конечно же. – Если ты не против, что я спрашиваю.

– С чего мне возражать? В конце концов, я ведь сама напросилась. – Она села ровнее, отчего шорты еще больше обнажили ее крепкие ноги. Ноги танцовщицы, теперь я знал. – Мне нравились эти ощущения. Мужчины смотрели на меня не отрывая глаз. Я привлекала их, они желали только меня, а не мое образование, мою родословную или связи моей семьи. Но еще

больше, на каком-то первобытном уровне, меня заводило то, как эти мужчины реагировали на мое тело. Мне нравилось, какими возбужденными они становились.

«Мне нравилось, какими возбужденными они становились».

У меня перехватило дыхание, во мне боролись здравый рассудок и дикое желание. С одной стороны, я был полон решимости закончить эту встречу достойно и с состраданием, но с другой – я едва сдерживался, чтобы не показать ей, насколько сильно она меня возбуждала.

Она совершенно не замечала моей внутренней борьбы.

– Мне нравилось, что они практически с ума сходили от желания прикоснуться ко мне, предлагали мне астрономические суммы денег, чтобы я поехала с ними домой, чтобы бросила работу в клубе и стала их любовницей. Но я ни разу не согласилась, несмотря на то что многие из них были довольно привлекательными, и даже несмотря на то что я действительно нуждалась в деньгах. Но в каком-то смысле это противоречило моей натуре, и я не могла представить, что приму какое-либо из их предложений. Нелепо, правда? Стриптизерша, пытающаяся сохранить свою добродетель.

Не дожидаясь ответа, она продолжила:

– Самое печальное, что я жутко изголодалась по сексу, но продолжала отклонять все предложения. Уверена, вы меня понимаете, святой отец. Это то чувство, когда даже легкого ветерка достаточно, чтобы оказаться на грани отчаяния, словно твоя кожа вот-вот воспламенится.

Боже, я прекрасно знал это ощущение. Испытывал его прямо сейчас. Я слабо улыбнулся, и она в ответ одарила меня улыбкой.

– Я так сильно возбуждалась, отец Белл. Просто истекала при виде того, как эти мужчины поглаживали себя через ткань сшитых на заказ брюк. В частных комнатах я оттягивала стринги в сторону и позволяла им смотреть, как мастурбирую и затем кончаю. Им это нравилось, они любили наблюдать, как я дразню себя, как ласкаю, как довожу себя до оргазма, вздрагиваю и вздыхаю.

Внезапно я осознал, что вжался руками в подлокотники кресла, пытаюсь отогнать все образы, которые вызывали в воображении слова Поппи. Но мои усилия были напрасны, а она продолжала свой рассказ, не замечая моего внезапного дискомфорта, наивно полагая, что может просто поделиться со мной этой информацией и обратиться за советом, и совершенно не принимая в расчет, что я все-таки двадцатидевятилетний мужчина.

– Но мне недостаточно было доставлять самой себе удовольствие, – поделилась она. – Мне хотелось, чтобы мной овладели, оттрахали и использовали. Хотелось ощутить чей-то член и пальцы внутри себя: во рту, между влажных складочек, в моей заднице. – Она тяжело вздохнула.

Я же вообще не мог дышать.

– Как называется этот грех? Я знаю, что такой должен быть. Это просто похоть... или что-то намного хуже? Какой молитвой я могла бы замолить его? А что, если я не испытываю вины за то, что делала, за свои желания? Даже сейчас, даже после того, что случилось в прошлом месяце, я все еще хочу этого. Я по-прежнему чувствую себя одинокой и все еще хочу, чтобы меня трахнули. Черт побери, это сбивает с толку, потому что я понятия не имею, чего еще хочу от своей жизни.

Вопреки всему, что она во мне вызывала, я все равно хотел ответить на ее последнее предложение, объяснить ей, почему она находилась здесь, в моем кабинете. Мне хотелось взять ее за руку и непринужденно поделиться с ней житейской мудростью, но, мать твою, я был настолько возбужден, что ничего мудрого не приходило в голову.

Ее слова.

Ее гребаные слова.

Я едва сдерживался, слушая ее рассказ о работе в этом клубе, а потом, когда она стала описывать, как ласкает себя, доводя до оргазма, я представил себя одним из тех алчущих бизнесменов с толстыми кошельками, которые с жадностью упивались видом ее блестящей, пульсирующей от удовольствия киски. Бьюсь об заклад, что если бы захотел, то мог бы увидеть ее прямо сейчас. Я мог бы поставить Поппи к стене и, сдернув эти шорты, раздвинуть ей ноги, чтобы она была открыта для меня...

Никакая земная сила не могла больше сдерживать меня на этой встрече.

Бог, должно быть, услышал мою невысказанную молитву, потому что в этот момент зазвонил ее телефон, и она вытащила его из сумки.

– Извините, – прошептала она одними губами и ответила на звонок.

Я показал ей жестом, что все в порядке, одновременно пытаюсь решить более серьезную проблему: как встать и не показать ей, насколько ее слова меня возбудили.

Она быстро закончила разговор.

– Простите, – еще раз извинилась она. – Возникли кое-какие рабочие вопросы...

Я поднял руку.

– Не волнуйся. В любом случае у меня скоро приходское собрание. – Это была ложь. Единственная встреча, которая должна была произойти, – это встреча между моей рукой и моим членом. Но, вероятно, не стоило говорить об этом потенциально новообращенному. (Я отметил про себя, что нужно будет помолиться и попросить у Бога прощения за эту ложь, как и за то, что собирался сделать.) – Я, э-э-э, все же надеюсь скоро тебя увидеть.

Она одарила меня великолепной улыбкой, затем встала и схватила сумку.

– Я тоже. До свидания, святой отец.

Я даже не мог дожидаться, когда Поппи покинет церковь. Как только она вышла из кабинета, я встал и запер дверь. Затем сразу подошел к своему столу, чтобы опереться на него, пока возился с ремнем.

Не было времени испытывать чувство вины или подвергать сомнению свое поведение да и вообще думать. Я даже не спустил полностью брюки, только вытащил член и принялся быстро и безжалостно драть, мечтая лишь об оргазме.

Я старался думать о ком-нибудь другом, о ком угодно, только не об этой женщине, которая обратилась ко мне в поисках Божьего прощения и утешения. Но мои мысли постоянно возвращались к ней, я представлял ее в том клубе, как она танцевала только для меня, как оттягивала в сторону свои трусики и показывала мне то, что я больше всего хотел увидеть.

Господи, помоги.

Я почувствовал приближение оргазма, напряжение внизу живота нарастало, посылая электрические разряды по всему телу. Я трахал свой кулак, желая, чтобы это была Поппи Дэнфорт: ее рот, кис-ка или задница, – не имело значения, что именно. А затем я кончил, представляя, что изливаюсь на ее бледную кожу.

Моя рука замерла, дыхание замедлилось, и на меня обрушилась реальность. Я стоял в своем кабинете с членом в руке, забрызгав спермой свой настольный литургический календарь, а с плаката на стене на меня укоризненно смотрел святой Августин.

Черт.

Дерьмо.

Оцепенев от содеянного, я застегнул брюки, вырвал верхний лист календаря и выбросил его. Шуршание плотной бумаги было оглушительным и почти обвиняющим, и, черт побери, какого хрена я натворил?

Я сел в кресло и уставился на святого Августина.

– Не прикидывайся, будто не знаешь, каково это, – пробормотал я. Облокотившись на стол, я спрятал лицо в ладонях и надавил на глаза.

Поппи Дэнфорт не планировала никуда уезжать. Она жила здесь и собиралась вернуться. Я не сомневался, что мы коснулись лишь верхушки айсберга ее «плотских» признаний. Я должен был взять себя в руки, потому что понимал, что не могу вести себя при каждой нашей встрече как подросток с разыгравшимися гормонами. Я знал, что должен буду не только выслушать ее, но и проявить понимание, сочувствие и сострадание, в то время как мог думать только о ее ротике с этими слегка несовершенными зубами.

В глазах заплясали черные точки, но я все равно не убирал руки. Я не хотел сейчас видеть свой кабинет и изображение святого Августина. Не хотел видеть недавно оборванные края своего календаря или недавно заполненную корзину для мусора.

Я хотел помолиться в полной темноте. Не хотел, чтобы что-то стояло между моими мыслями и Богом, между этой женщиной и моим призванием. Я хотел, чтобы все, кроме моего греха и этих черных точек в глазах, исчезло.

«Прости меня, – молился я. – Я ужасно сожалею».

Я сожалел, что предал доверие одного из детей Божьих. Сожалел, что осквернил святость этого места и свое призвание, что позволил похоти овладеть собой и возжелать того, кто искал утешения и моей помощи. Мне было жаль, что я не смог побороть свое желание и заменить его холодным душем, или изнуряющей пробежкой, или любым другим трюком, которому научился за последние три года, стремясь подавить свои плотские потребности. Главным образом...

«Но главное – прости меня за то, что я не раскаиваюсь».

Проклятье! Я не чувствовал никакого раскаяния.

V

– А я-то думала, что священники пьют только вино для причастия.

Я резко вскинул голову и увидел Поппи, стоящую возле моего столика. Я сидел в маленькой кофейне через дорогу от своей церкви и тщетно пытался вникнуть в смету расходов на ремонт. В итоге мне удалось лишь пройтись по форумам «Ходячих мертвецов» и значительно сократить запасы кофе в этой кофейне.

Мне хотелось придумать какой-нибудь остроумный ответ на приветствие Поппи, но на ней было очередное платье: винтажное, кремового цвета, с рукавами три четверти и юбкой, доходящей до середины бедер, – и хотя платье не было откровенным или чересчур облегающим, оно идеально подчеркивало ее узкую талию и полную грудь. Поппи стояла достаточно близко, чтобы я мог дотянуться, обхватить ее бедра руками и притянуть к себе. Достаточно близко, чтобы задрать подол ее платья и погрузиться лицом в блаженство, скрытое там.

(К тому же я отвлекся на воспоминание о том, что после нашей последней встречи я забрызгал спермой весь свой рабочий стол.)

К счастью, она села на стул напротив меня, прежде чем я потерял всякий контроль и нарушил свои обеты на глазах у посетителей кофейни.

– Над чем работаете? – поинтересовалась она, кивнув на ноутбук.

Я мысленно поблагодарил Бога, что она не обратила никакого внимания на мое молчание, а затем еще раз послал благодарность небесам за выбор абсолютно безопасной темы для разговора – бюджетные таблицы.

– Мы пытаемся собрать деньги на ремонт церкви, – ответил я. – И нам уже поступило несколько предложений на проведение этих работ, теперь нужно только правильно распределить средства после того, как достигнем нашей первоначальной цели.

– Могу я взглянуть? – спросила она, наклоняя голову к экрану.

Я даже кивнуть не успел, как она подвинула ноутбук к себе и начала пролистывать таблицы. Уголки ее красных губ приподнялись в полуулыбке, придавая Поппи сексуальный, умный и в то же время озорной вид.

– Что вы изучали в колледже, отец Белл? – спросила она, глядя в экран и каждую пару секунд щелкая мышкой.

– Перед тем как получил магистра богословия? Классические языки. *Si vis amari, ama.*

– Полагаю, на уроках латыни вас не учили формулам электронных таблиц.

– Обычно я был занят изучением материалов другого рода. – Я намеревался беззаботно пошутить, но мои слова прозвучали более напряженно, словно какое-то предупреждение.

Нет, это походило на обещание.

В ее карих глазах вспыхнул огонек, когда она подняла их на меня, и, увидев выражение моего лица, она судорожно вздохнула.

Черт побери, да что со мной не так? Почему я не мог с ней общаться нормально, без всяких намеков на секс?

– Ты говорила про формулы?

– Э-э-э, точно. – Она быстро перевела взгляд на экран и облизала губы. Я вдруг ясно представил, как эти губы открываются навстречу мне, предлагая подарить наслаждение.

Я желал, чтобы все ее тело выгнулось мне навстречу.

– Разве у церкви нет программного обеспечения для ведения бухгалтерского учета? – спросила она, останавливаясь, чтобы удалить строку данных, которую я нечаянно скопировал.

– Есть, обычно наш офис-менеджер занимается этим, но я не знаю, как им пользоваться.

– Итак, вы цитируете Сенеку, но не умеете пользоваться программой Quicken.

– Ты узнала, что это был Сенека? – Я невольно улыбнулся. Не так уж много людей вообще знали, кто такой Сенека, не говоря уже о том, чтобы узнать цитату из одного его письма.

– Мои родители выложили кучу денег, чтобы научить меня множеству бесполезной ерунды.

– Ты считаешь это бесполезным? *Non scholae sed vitae*. «Не для школы, а для жизни учимся».

– А что насчет *si vis amari, ama*? «Хочешь быть любимым – люби»? Я уже пробовала однажды. Ничего хорошего из этого не вышло. – В ее голосе звучала горечь.

Я положил руку ей на запястье. Мною двигало простое желание утешить того, кто испытывал боль, но я не рассчитывал ощутить тепло ее руки и не ожидал, что мое прикосновение вызовет у нее мурашки. Я и представить себе не мог, насколько идеально ее изящное запястье впишется в мою ладонь, словно сам Бог сотворил его с единственной целью – чтобы я держал его.

Мне следовало убрать руку и извиниться.

Но я не мог, так же как и сдержать слова:

– Возможно, ты любила не того человека.

Потому что кто бы не возжелал это великолепное создание? Эту хорошо образованную, невероятно сексуальную женщину, в которой также присутствовали интеллект и чувственность? Эту женщину с бледной кожей, красными губами и мозгами, созданными для управления финансовыми империями?

Она снова встретилась со мной взглядом.

– Может быть, вы и правы, – прошептала она.

Какое-то время мы так и сидели, глядя друг другу в глаза, моя рука сжимала ее запястье, а затем – да простит меня Бог – я медленно провел большим пальцем по внутренней стороне ее запястья. Никто не увидел бы этого движения, но она определенно его почувствовала, потому что судорожно вздохнула.

Проклятье, ее кожа была такой гладкой, шелковистой. Я хотел поцеловать эту часть ее запястья, прижаться губами к пульсирующей жилке, а затем связать веревкой. На самом деле я уже поднял ее руку со стола, когда шипение кофемашины-эспрессо привело меня в чувство.

Какого хрена я творил?

Отпустив ее руку и закрыв ноутбук, я резко встал.

– Извини. Это не мое дело.

– Вы духовный наставник, – произнесла она, вглядываясь в мое лицо. – Вас все должно касаться, верно?

Я не ответил, стараясь запихнуть свои вещи в сумку для ноутбука в отчаянной попытке побыстрее уйти. В то же время я пытался убедить себя, что ничего страшного не произошло, я просто утешил ее, по сути, всего лишь подержал за руку, не более того, и я бы не задумываясь сделал то же самое с любым из своих прихожан.

Все хорошо.

Но, когда я повернулся, Поппи стояла рядом со мной, повесив сумку на плечо.

– Могу я прогуляться с вами до церкви? – спросила она. – Мой дом находится в том же квартале.

И почему я не удивился?

– Конечно, не возражаю, – ответил я, надеясь, что мой голос звучит нормально, а не как у священника, пытающегося побороть свою эрекцию у всех на виду.

Мы вышли из кофейни в невыносимую летнюю жару и перешли через дорогу. Молчание между нами казалось непривычным, то, что произошло несколько минут назад, отягощало его еще больше. Поэтому я заговорил, стараясь отогнать фантазии, которые продолжали наполнять мое сознание.

– Как долго ты тут живешь?

– Не очень долго, – ответила она. – На самом деле я переехала в этот дом две недели назад. Как только владелец клуба, в котором я работала, узнал, что у меня диплом в области бизнеса и большой опыт, он попросил меня стать консультантом по маркетингу и финансам, чем я могла заниматься удаленно, и оплата... ну, скажем, платят очень хорошо. И потом, в прошлом месяце, когда он нашел меня...

Ее голос сорвался, и, прищурившись, она посмотрела на тротуар, словно что-то разглядывала. Я не знал, что именно ее расстроило, но дал ей время собраться с мыслями.

Мы прошли еще несколько метров, прежде чем она продолжила.

– Так вот, теперь я отлично зарабатываю, тружусь на хорошего парня и обладаю свободой начать жизнь с чистого листа в милом небольшом городке. Этого я и хотела до того, как Стерлинг появился в том клубе.

Стерлинг. Я припомнил это имя из нашего разговора о ее прошлом, и, черт бы все побрал, но оно вызвало нелепый укол ревности, как будто существовала такая вселенная, где мне было позволено испытывать собственнические чувства по отношению к Поппи Дэнфорт.

Мы дошли до церкви.

– Приятно было повидаться с вами, святой отец, – сказала она с легкой улыбкой, направляясь дальше.

– В каком из домов ты живешь? – Я пытался ее задержать, прекрасно понимая, что просто тяну время, но ничего не мог с собой поделать. Мне необходимо было еще раз взглянуть на эти красные губы и услышать ее хриловатый голос.

– Вон в том. – Она указала на дом напротив парка, уютное бунгало с огромным деревом в палисаднике и заросшим садом позади. Я знал, что смогу увидеть его из дома священника, а также включен ли у нее свет, стоит ли ее машина на подъездной дорожке, смогу наблюдать, как она передвигается по кухне ранним утром, готовя кофе.

Не слишком здоровая тенденция, на мой взгляд.

– Что ж, если понадобится какая-либо помощь в перестановке мебели или еще с чем-то...

Черт, зачем я это предложил? Мне только не хватало остаться с ней наедине в ее доме.

Но тут ее лицо озарилось, и мое сердце на мгновение остановилось. Она все время была красивой, но счастливой ли... А в тот момент она просто засияла от счастья.

– Было бы замечательно, – сказала она. – Я никого тут не знаю, а мои друзья далеко отсюда... Да, я обязательно дам вам знать, если мне понадобится помощь.

– Хорошо, – произнес я, все еще находясь под чарами ее улыбки и внезапно оживших глаз. – В любое время.

Она наклонилась вперед, привстав на цыпочки, и до меня дошло, что она делает, только когда почувствовал ее мягкие губы на своей щеке. Я замер, запоминая каждую деталь, каждое ощущение, все это запечатлелось в моей душе вместе с отпечатком ее темно-красных губ на коже.

– Спасибо, – прошептала она, ее слова и дыхание опалили мое ухо, а затем она прикусила губу и отвернулась, направившись к своему дому.

А я вернулся к себе, чтобы принять очередной двадцатиминутный холодный душ.

* * *

Я бы солгал, сказав, что в равной степени не боялся и не ждал с нетерпением часов исповеди в понедельник. Я провел воскресную мессу, осматривая скамьи в поисках Поппи, и, не увидев ее, на короткое мгновение почувствовал надежду и огорчение. Возможно, она больше не придет, вероятно, ее недолгое увлечение религией угасло, и, может быть, это безнадежное испытание моего самоконтроля закончилось.

«Может быть, я ей наскучил», – подумал я и даже почувствовал некое облегчение.

«Возможно, она больше не хочет иметь со мной никаких дел», – снова подумал я и на этот раз почувствовал лишь боль.

И вот поэтому, когда в тот понедельник Роуэн наконец-то покинул исповедальню и кто-то другой, скользнув внутрь, занял его место, я позабыл о всех своих переживаниях, и мой пульс участился (от волнения или возбуждения, я не знал).

– Отец Белл, – раздался тихий голос.

– Здравствуй, Поппи, – ответил я, стараясь делать вид, что мой член совершенно не отреагировал на ее голос.

Она рассмеялась тихо и с облегчением, и звук ее смеха вызвал в воображении улыбку, которой она одарила меня в прошлую пятницу, и то, как ее лицо засияло, когда я предложил ей свою помощь.

– Не знаю, чего я ожидала. Просто... иногда все так хорошо, что даже не верится. Я уехала из Канзас-Сити, чтобы начать все сначала, найти какой-то смысл в своей никчемной жизни, и тут, практически на заднем дворе своего дома, наткнулась на этого невероятно красивого пастора, готового выслушать о всех моих невзгодах.

– Это моя работа, – сухо ответил я, пытаюсь игнорировать тот факт, что испытал мальчишескую радость, когда она назвала меня красивым. – Я здесь для всех страждущих.

– Да, я знаю. Но в данный момент «все страждущие» включают меня, и я не могу выразить, насколько благодарна вам за это.

«Скажи ей, что больше не можешь это делать», – потребовала моя совесть, и я мысленно вернулся в тот день в моем кабинете. – *Помоги ей найти кого-нибудь еще, кого угодно, для исповеди».*

Да, мне следовало так сделать. Потому что она ясно дала понять, что доверяет мне, в то время как я снова и снова мысленно предавал ее доверие (в многочисленных позах, на каждой поверхности моего дома).

Но только я решился рассказать ей, как все должно быть, она произнесла:

– Вы готовы?

И тогда на ум не пришло ничего, кроме:

– Да.

Поппи:

– Так продолжалось около полутора лет. Помогая Марку в бизнесе и танцуя, я зарабатывала почти столько же, сколько имела бы в одном из нью-йоркских офисов. Мне нравилось, что я могу танцевать: я очень это любила. И пусть это был не балет или эстрадный танец, мое тело все равно двигалось под ритм и музыку. И мне нравилось, как много секса было в работе – даже если никто им там не занимался, сексуальное напряжение, запах возбуждения обволакивал весь клуб, и я не могла насытиться им.

Но я была одинока. Мужчины в клубе умоляли меня поехать с ними домой, предлагая гораздо больше, чем секс на одну ночь, обещая пентхаусы, яхты и содержание, но я отказывалась становиться любовницей. Может, я и люблю секс, но далеко не дура, и у меня есть душа. Мне захочется в один прекрасный день иметь мужа, детей, внуков и все такое... Я не могла заставить себя довольствоваться заменой, какое бы временное удовольствие это ни приносило.

Но компромиссом моему самоуважению были холодная постель и затертый до дыр вибратор, это начинало надоедать. Не говоря уже обо всем том, о чем я только что говорила: о муже, детях и прочем. Я начала скучать по своей прежней жизни. Не по монотонности или лицемерию, но, по крайней мере, по гарантии. Останься я дома, я никогда бы не была одинока. Уже вышла бы замуж и, возможно, забеременела бы. Что, если я совершила ошибку?

Что, если разрушила свои шансы на счастливую жизнь? Потому что – давайте посмотрим правде в глаза – какой мужчина женится на стриптизерше, независимо от того, откуда она родом и кто она?

А потом в клубе появился Стерлинг.

Стерлинг Хаверфорд III. Да, я понимаю, что это нелепое имя, но в наших кругах оно было в порядке вещей (особенно если в вашем поместье было собственное поле для гольфа).

С тех пор как себя помню, я выводила подпись «миссис Стерлинг Хаверфорд» в своих ненадежно припрятанных дневниках. Он был моим первым поцелуем, моей первой сигаретой, моим первым оргазмом. Конечно, теперь мне известно, что я была у него не первой и, даже когда он встречался со мной, он трахал других девушек. Но в то время я была убеждена, что мы поженимся, что он любит меня.

Я свято в это верила вплоть до того момента, когда мои родители не получили приглашение на его свадьбу. С Пенелопой Миддлтон, будь она проклята.

Конечно, мы время от времени ссорились, но я считала, что причиной тому было расстояние и то, сколько времени я посвящала учебе и благотворительности, и, проклятье, я сейчас плачу, простите меня. Я уже даже не испытываю грусти, просто все еще злюсь, что потратила на этого мудака столько времени. И вот, когда я практически впала в депрессию из-за своей жизни, у него хватило наглости появиться в клубе.

Я предположила, что он приехал в город на деловую встречу и, возможно, потенциальный клиент привел его в клуб, чтобы добиться расположения, – типичная картина для этого клуба, особенно когда дело касается частных комнат в задней части. И из всех девушек, которые могли бы в тот вечер работать в той комнате, посчастливилось именно мне.

Ну и повезло же мне, черт побери.

Я была на шестидюймовых каблучках и в ярко-голубом парике, но он все равно узнал меня, как только я вошла, как и я, лишь взглянув на его профиль, сразу поняла, что это он.

– Господи Иисусе, – произнес он. Его слова, словно ядовитая мелодия, раздалась поверх пульсирующей музыки. – Неужели это ты?

Я застыла в дверях, понятия не имея, что, черт возьми, мне делать. Я знала, что могу найти Марка, объяснить ему, что знакома с этим клиентом и поэтому не могу танцевать для него. Марк понял бы. Но даже спустя три года после того, как он бросил меня и женился на другой, я не могла заставить себя уйти или перестать слушать то, о чем он говорит.

Он не мог поверить своим глазам – все думали, что я сбежала в Европу или в какое-то экзотическое место, а я все это время жила тут. Жестом он указал на мой едва прикрывающий тело наряд, чтобы подчеркнуть все, что с ним связано: танцы и приписываемое им бесчестье, – но я заметила тот момент, когда он закончил излагать свою точку зрения, его зрачки расширились, и он с жадностью впился взглядом в мое практически обнаженное тело.

Он женился на гребаной Пенелопе, но был здесь и находился тут ради меня, и, пошло оно все, я желала этого. Тот момент, когда он предпочел меня ей. Неважно, насколько это было неправильно. «Зайди», – велел он, и я подчинилась.

Простит ли меня Бог за это? Потому что я могла бы уйти без каких-либо последствий, найти другую девушку и покинуть клуб, оставив Стерлинга Хаверфорда III позади. Но в глубине души я хотела остаться, хотела того, что, как я знала, произойдет, если останусь.

Я закрыла за собой дверь и скрестила руки на груди, затем сказала ему, каким мудаком он был. К его чести, он не стал это отрицать.

Он попросил меня подойти ближе. Это был приказ, и, помоги мне, Господь, я всегда повиновалась командам. Я подошла к нему, и он провел рукой по моей оголенной заднице под юбкой. Его обручальное кольцо сверкнуло в тусклом неоновом свете комнаты. Это гребаное обручальное кольцо служило свидетельством его долбаного брака с чертовой Пенелопой Миддлтон.

Я попыталась отстраниться, но он схватил меня за руку и сказал: «Знаешь, почему я не женился на тебе, Поппи? – Он ласкал внутреннюю поверхность моего бедра. Я не могла сопротивляться ему и чуть больше раздвинула ноги. Он улыбнулся и продолжил: – Не потому, что я не хотел связать себя узами брака с одним из Дэнфорттов. Бог свидетель, что с твоей фамилией, деньгами и умом на бумаге ты стала бы идеальной женой. Но мы же оба знаем правду. Верно, Поппи?»

Его пальцы наконец-то нашли то, что искали, – мои кружевные стринги. Он поддел их и с легкостью разорвал тонкий материал, открыв доступ к моему влагалищу.

«В глубине души, – продолжил он свою предыдущую мысль, при этом лаская меня, касаясь пальцами складочек, – мы оба знаем, что ты маленькая шлюшка. Да, с идеальной родословной и отличным образованием, но ты, Поппи, была рождена, чтобы стать шлюхой, а не женой».

Я велела ему отвалить, а потом он выдал: «Думаешь, я случайно здесь появился? Я искал тебя три года. Ты моя или ты забыла об этом?».

Как я могла принадлежать ему, если у него была долбаная жена? И я спросила его об этом. А он ответил, что ему на нее наплевать, и, вероятно, это правда. Сказал, что женился на ней потому, что ему нужна была правильная жена, которая не дала бы ему повода волноваться, если его клиенты захотят ее трахнуть.

А потом он добавил, что я была не такой. Сказал, что мои грудь и рот кричат о сексе и я не только всегда этого хочу, но и выгляжу так, будто этого хочу. А он не мог допустить такого на семейном портрете Хаверфордов.

Хуже всего, что я понимала: он не пытался меня оскорбить. Это была констатация фактов. Люди вроде нас не должны быть такими. Мы должны быть сдержанными и бесчувственными, вялыми и равнодушными. Секс должен быть либо необходимостью, либо заранее продуманной интрижкой. И теперь Стерлинг хотел сделать меня своей любовницей. Когда-то я любила его, а он хотел держать меня в качестве любовницы в золотой клетке, где не было места любви или настоящему будущему.

Но пока я размышляла над этим, он растянул молнию: его член был таким возбужденным, таким аппетитно твердым. Я ничего не могла с собой поделать – я знала, что он женат, что он мудака, но я так давно не была с мужчиной, слишком долго, да и любила его когда-то...

Вы осуждаете меня сейчас, отец Белл? Считаете меня безмозглой потаскухой? Знаю, что это не так, вы не такой, как Стерлинг и я. Слова «безмозглая» и «потаскуха», скорее всего, никогда не слетали с вашего языка в одном предложении. Но я думала об этом тогда точно так же, как думаю сейчас. Я была полной дурой, но также и одинокой, с разбитым сердцем, а еще такой чертовски возбужденной, что мои соки стекали по бедрам.

Потом я позволила ему меня трахнуть. Потому что он был прав: мне действительно нравится секс, я на самом деле постоянно его хочу. И когда Стерлинг врезался в меня снова и снова, я попросила его рассказать мне об этой фантазии, о жизни, которую он мне предлагал. И он рассказал, черт бы его побрал, его лживые уста бизнесмена нарисовали красивую сказку. Он обещал мне ленивые вечера, которые мы проводили бы вместе, дорогие рестораны, в которые он меня водил бы, оргазмы, которые дарил бы мне на гладких простынях из египетского хлопка. Он рассказывал мне о цветах, драгоценностях, отдыхе на Бора-Бора, дорогих машинах и обо всем остальном, что могло бы наполнить нашу незаконную совместную жизнь, и все это время я насаживалась на его член, приближаясь к лучшему оргазму, который не испытывала со времен колледжа.

К этому моменту он уже матерился, перекинул меня через диван и вошел в меня сзади, прижимая мое лицо к коже, и я почувствовала холодный металл его обручального кольца на своем бедре. Это было унижительно и ужасно, и я почти сразу кончила.

А затем кончила еще раз.

VI

– Таков мой истинный грех, – закончила Поппи. – Мне ужасно стыдно, и я не могу спать по ночам, зная, что позволила ему... позволила себе... – Она замолчала. И я не мог нарушить эту тишину из уважения к ней, а также потому что не доверял своему голосу. Ее признание было таким откровенным и, мать твою, таким детальным. Меня переполняла ярость по отношению к этому мудаку Стерлингу, и я сожалел, что ей пришлось такое пережить, а еще я обещал от жгучей ревности, оттого что всего несколько недель назад он был внутри нее, хотя совершенно этого не заслуживал.

Но в основном я был чертовски возбужден и не мог ясно мыслить.

– Я позволила себе испытать оргазм, – наконец произнесла она тихо, с нотками грусти в голосе. – Он женатый мужчина и изменял мне в течение многих лет, совершенно не раскаяваясь, и все же я не только трахнулась с ним, но и получила от этого удовольствие. Дважды. Какое имеет значение, что я заставила его уйти сразу после того, как это случилось? Какая девушка могла бы так поступить?

Я должен был что-то сказать, помочь ей, но, черт, было так тяжело сосредоточиться на чем-либо еще помимо возникшего перед глазами образа ее лица, вжато в диван, и ее стонов от множественных оргазмов. Мало того, что меня ждало место в аду за одни только мысли об этом, так я еще мечтал придушить Стерлинга за его действия, но при этом то, что ее заводили такие грубые вещи, было невыносимо сексуально. Потому что меня они тоже заводили, и прошло так много времени с тех пор, как я был с женщиной.

«Да ты ничем не лучше его, – упрекнул я себя. – Черт побори, возьми себя в руки. Чувства: сосредоточься на том, что она чувствовала».

– И что ты чувствовала?

– Что я чувствовала? Это было потрясающе. Словно он заявлял права на меня, и, когда кончил, мне казалось, будто он заклеил меня, как свою собственность, и от этого я испытала еще один оргазм. Я ничего не могу поделать, когда парень кончает, – это самая эротическая вещь, особенно когда я могу почувствовать его сперму внутри себя...

Я откинул голову назад и громко ударился о деревянную стенку исповедальни.

– Я имел в виду, – произнес я сдавленным голосом, – каково это было в эмоциональном плане.

– Ой. – А затем последовал хриплый смешок, и, да пошло оно все к черту, я не смог остановиться и потер свой член, за что точно прямая дорога в ад. Я был настолько возбужден, что даже через брюки ощущал каждую вздувшуюся вену на своем пульсирующем члене. Стараюсь не издавать громких звуков, другой рукой я потянулся к молнии на ширинке и задался вопросом, смогу ли тихо расстегнуть ее, чтобы Поппи не услышала, сумею ли подрочить себе прямо здесь, в кабинке для исповеди, без ее ведома?

Потому что в тот момент мне казалось, что я умру, если не сделаю этого. Ее слова врезались в память, и я знал, что мне их никогда не забыть.

– Полагаю, Стерлинг был прав. Я ведь шлюха, верно? Я была на балу дебютанток, моя семья внесена в светский альманах, и у меня есть награды за конную выездку. Но все это не отменяет того, кем я являюсь по сути. Думаю, в глубине души я всегда знала, что Стерлинг на самом деле меня не любит, но готова была принимать секс вместо любви, потому что хотела его так же сильно, как и романтики. А какая женщина так думает, святой отец: что лучше заняться сексом без любви, чем вообще отказаться от секса? Итак, что мне теперь делать? Как справиться с глоущим меня чувством вины, если в то же время я знаю, что это фундаментальная часть моей сущности?

Стыд. Да, мне знакомо это чувство. На самом деле я испытывал его прямо сейчас. Я прижал руки к бедрам, подальше от своей эрекции. «Сосредоточься, – велел я себе мысленно. – Ты сможешь позаботиться о своей... проблеме, когда останешься один».

– Бог сотворил нас сексуальными существами, Поппи, – сказал я, желая, чтобы мои слова звучали более успокаивающими, чем было на самом деле. Но из-за сдавленного голоса и едва контролируемого дыхания они больше походили на скрытую угрозу, мрачную, неминуемую.

– Тогда он сделал меня чересчур сексуальной, – прошептала Поппи. – Даже сейчас я...

Но она вдруг замолчала.

– Даже сейчас что? – И я снова использовал этот тон, теперь уже невозможно было не заметить в нем угрозы.

Я слышал, как она поерзала на месте.

– Мне нужно идти, – произнесла она. Я слышал, как она потянулась к сумочке, и затем щелкнула дверная ручка, но я мгновенно выскочил из кабинки и в считанные секунды уже стоял с ее стороны, когда дверь распахнулась. Я уперся руками по обе стороны двери (какого черта я вообще делал?), преграждая ей путь, потому что должен был знать. Мне необходимо было знать, что она собиралась сказать, иначе я лишился бы рассудка.

Она посмотрела на меня, нависшего над ней, ее карие глаза расширились.

– Ой, – выдохнула она. Какое-то время мы не сводили друг с друга глаз.

Все могло закончиться прямо здесь. Должно было закончиться, даже учитывая ее красную помаду, сияющие глаза и маленькие затвердевшие соски под тонкой шелковой блузкой. Даже при том, что я загоразживал дверной проем своими широкими плечами, даже при всплеске силы, удовлетворения и похоти, который ощутил, заняв такое доминирующее положение.

Могло бы, клянусь.

Но тут Поппи прикусила полную нижнюю губу, впившись белоснежными зубами в кроваво-красную плоть, и сжала свои бедра вместе, едва слышный стон вырвался из ее горла.

В этот момент я перестал видеть перед собой кающуюся грешницу.

Больше не видел Божье создание.

Я больше не видел заблудшую овечку, так нуждающуюся в пастухе.

Передо мной была нуждающаяся женщина – зрелое, восхитительное творение.

Я отступил назад, сделал глубокий вдох, какая-то часть моего сознания геройски пыталась вернуть мне контроль над собой, и Поппи неуверенно шагнула из кабинки, не сводя с меня глаз. Я позволил ей пройти мимо, но не потому, что хотел, чтобы она ушла или чтобы это искушение закончилось. Нет, я просто давал ей последний шанс на побег, и если она не собиралась им воспользоваться, то да поможет ей Бог, потому что я не мог больше бороться с желанием прикоснуться к ней, насладиться ее вкусом, и это, черт возьми, должно было произойти прямо сейчас.

Поппи сделала несколько шагов назад, пока не натолкнулась на кабинетный рояль, установленный под площадкой для церковного хора. Она по-прежнему молчала, но слова были лишними, потому что я мог прочитать ее мысли по языку ее тела, по дрожи, по судорожным вздохам, по мурашкам на ее коже. Она все еще кусала свою нижнюю губу, и мне захотелось самому прикусить ее, прикусить так сильно, чтобы она взвизгнула.

Я надвигался на нее, и она внимательно следила за каждым моим шагом, во взгляде читались голод и желание, которые я не только видел, а буквально мог почувствовать.

– Повернись, – велел я ей, и, черт возьми, она тут же подчинилась, повернувшись и положив руки на черное дерево. Она все еще сжимала бедра, когда я подошел к роялю и встал у нее за спиной. Проведя указательным пальцем вверх по ее руке к плечу, я почувствовал, как ее кожа покрывается мурашками.

– Так что же ты собиралась сказать в исповедальной кабинке? – спросил я тихим голосом. – И помни, что ложь – это грех.

Она задрожала.

– Я не могу произнести это. Не здесь. Не перед вами.

Я коснулся ее плеча. Она собрала волосы в свободный пучок, обнажив шею цвета слоновой кости, и я погладил ее, желая впитать трепет тела, каждый судорожный вдох. А затем надавил ладонью между ее лопаток и прижал Поппи лицом к отполированному дереву. Она была такой миниатюрной, что ей пришлось привстать на цыпочки, кожаные балетки слетели с пяток, а икроножные мышцы напряглись.

На ней была юбка-карандаш с высокой талией, и как только Поппи наклонилась, разрез поднялся достаточно высоко, чтобы обнажить узкую полоску розовой плоти.

– Поппи, – с угрозой в голосе спросил я, – ты явилась сюда без нижнего белья?

Я все еще прижимал ладонь к ее спине, лаская пальцами шею, и Поппи кивнула.

– Ты сделала это нарочно? – Пауза, потом еще один кивок.

Звук шлепка разнесся по всей церкви, и она подпрыгнула, когда моя ладонь опустилась на ее задницу. Затем Поппи застонала и толкнула свою попку назад.

Я остановился на одном ударе, хотя одному Богу известно, как мне хотелось продолжить. Вместо этого я провел рукой от ее плеча к бедру, ощутив округлость ее груди, вжатым в рояль, изгиб талии, упругую выпуклость ягодицы.

А затем повторил это обеими руками, позволив им опуститься к подолу ее юбки. Поппи прерывисто выдохнула, и я резко задрал его к талии.

Я опустился на колени и широко раздвинул ей ноги, чтобы ее великолепная обнаженная киска предстала перед моим взглядом.

– Мой бедный ягненок, – прошептал я. – Ты такая невероятно влажная, прямо сочишься.

Ее розовые гладкие складочки блестели и, мать твою, пульсировали от возбуждения прямо перед моим лицом.

Я впился пальцами в ее попку и поддался вперед, чтобы мое дыхание пощекотало ее чувствительную плоть. Поппи всхлипнула.

– Это так неправильно, – произнес я, наклоняясь еще ближе. Я чувствовал ее запах, это райское благоухание мыла, кожи и нежного женского аромата, сводящего мужчин с ума. – Только один раз, – прошептал я больше себе, чем ей. – Бог не накажет меня за это.

Я провел языком от ее клитора к влагалищу. Господи, прости меня, но никакое вино для причастия, никакое искупление грехов не шло в сравнение со сладким нектаром, который я испил, и понимал, что одного раза будет недостаточно.

– Пожалуйста, – прошептал я над ней, – еще только один раз. – Я прижался языком к ее клитору и снова насладился ее вкусом, мой член болел от возбуждения.

Она вскрикнула, прижавшись к роялю, и я почти лишился рассудка от этих звуков и, будь проклят, этого вкуса. С неистовой жадностью впился губами в ее естество, еще шире раздвинув пальцами ягодицы. Я трахал ее своим языком, губами и зубами, наслаждаясь ею, словно изголодавшийся человек. Ее киска была идеальной, именно такой я представлял себе во все те вечера, которые проводил под холодными струями душа, кончая от одной только мысли об этом.

«Она должна испытать оргазм», – решил я прямо тогда. Я собирался заставить ее кончить мне на лицо, отчего мои яйца сжались и член в штанах запульсировал. Вполне возможно, я сам мог бы испытать оргазм, даже не прикасаясь к нему.

Я провел пальцем по ее складочкам, а затем скользнул внутрь, чтобы отыскать то заветное местечко, которое подтолкнуло бы ее к блаженству. Теперь Поппи бесстыдно терлась о мое лицо, царапая ногтями поверхность рояля, из ее горла вырывались тихие стоны и вздохи.

Все вокруг исчезло, осталась только она, ее вкус и запах. Затем я поднял глаза и увидел распятого Иисуса в передней части церкви: печального, испытывающего агонию Бога, прибитого к кресту в самопожертвовании, – и мое сердце дрогнуло. Какого черта я делал? Любой мог войти в церковь прямо сейчас и увидеть своего пастыря на коленях перед женщиной, распластанной на рояле, словно он поклонялся ей, уткнувшись лицом в ее попку.

Что бы они подумали после стольких усилий, которые я приложил, чтобы помочь этому городку избавиться от боли и снова довериться церкви?

Более того – как же мой обет, который я дал перед своей семьей и Богом? Что значила для меня эта клятва воздержания, если всего три года спустя я запихнул свой язык в мокрую женскую киску?

Но тут Поппи кончила, ее крик был самым прекрасным церковным гимном, который я когда-либо слышал, и все остальное перестало иметь значение, я сосредоточился на ней, ее запахе, вкусе и на том, как ее мышцы сжимаются вокруг моего пальца.

Неохотно, но я все же отстранился. Несмотря на желание довести ее еще до одного оргазма, снова уткнуться лицом в ее попку, я понимал, что не могу и не должен больше это делать. Я поднялся на ноги, а она оглянулась на меня через плечо так, словно я был самым удивительным существом в мире.

– Никто никогда не проделывал со мной такого, – прошептала она.

Оттрахал ее языком в церкви? Перегнул через пианино и ласкал до тех пор, пока ее ноги не подкосились?

Я нахмурился, и она ответила на мой невысказанный вопрос.

– Я имею в виду, никто и никогда не доводил меня до оргазма своим ртом, – произнесла она. Ее щеки все еще пылали, румянец спускался вниз по шее.

Я не понимал.

– Ни один парень не доставлял тебе удовольствие языком?

Она покачала головой и закрыла глаза.

– Это было приятно.

Меня шокировало ее признание. Как такое могло быть, что ей ни разу не довелось испытать оральные ласки?

– Как жаль, мой бедный ягненок, – ответил я и не смог удержаться, чтобы не прижаться эрегированным членом к ее попке. – Никто раньше не удосужился позаботиться о тебе должным образом. – Я провел рукой вниз по ее телу и снова коснулся ее клитора, застонав про себя, когда обнаружил, что он по-прежнему оставался таким же набухшим, горячим бутонем желания. – Но не буду лгать: осознание того, что я был первым мужчиной, попробовавшим тебя на вкус, чертовски возбуждает меня.

Я услышал свои слова, и внезапно реальность снова обрушилась на меня.

Что, черт побери, я делал? Что, мать твою, я натворил?

И почему я сделал это именно здесь?

Тяжело дыша, я отступил назад. Я мог думать лишь о том, как побыстрее убраться отсюда подальше, прежде чем вина и сожаление покажут свои головы.

Поппи резко развернулась, ее юбка все еще была задрана вокруг талии, а глаза яростно сверкнули.

– Даже не смей, – прошипела она. – Не смей убегать от меня сейчас.

– Прости, – произнес я. – Я... Я не могу.

– Можешь, – настаивала она, сделав шаг ко мне. Она сжала ладонью мою крайнюю плоть, я посмотрел вниз и увидел, что она расстегивает ремень.

– Я не могу, – повторил я, наблюдая, как она вытаскивает член. Как только ее пальцы коснулись моей обнаженной кожи, мне захотелось вознестись на небеса, потому что, без преувеличения, действительность намного превосходила мои самые дикие фантазии.

– Ты хороший священник, отец Белл, – сказала она, скользя рукой вниз и обхватывая мой стоячий орган. – Но ты также хороший человек. Разве хороший человек не заслуживает время от времени небольших поблажек?

Она сжала меня крепче и начала теперь уже по-настоящему ласкать. Словно загипнотизированный, я наблюдал за ее рукой, которая скользила вверх-вниз по моему члену.

– Мы не будем заниматься сексом, – пообещала она. – Секса нет, и, значит, никакие правила не нарушаются, верно?

– Сейчас ты говоришь двусмысленно, – произнес я, тяжело дыша, и закрыл глаза, потому что ее рука на члене сводила меня с ума.

– Тогда как насчет еще одного признания? – спросила Поппи, проводя ногтями вверх от паха к пупку и заставляя мой пресс напрячься. – После нашего первого разговора я поискала тебя в Интернете. Я не могла перестать думать о твоём голосе, он продолжал преследовать меня, словно эхо. А потом я увидела твою фотографию на сайте, и ты выглядел... ну, ты знаешь, как выглядишь. Тогда я впервые испытала оргазм, думая о тебе.

– Ты прикасалась к себе, думая обо мне? – С каждой секундой я утрачивал последние остатки самоконтроля.

– И не раз, – призналась она, продолжая поглаживать мой пресс под рубашкой. – Потому что, увидев впервые твоё тело в тот раз на пробежке, а потом твоё лицо, когда мы в последний раз разговаривали... Боже, твоё лицо, у тебя было такое чертовски порочное выражение, как будто ты хотел накинуться на меня прямо там... Мне пришлось довести себя до оргазма три раза, прежде чем я смогла сосредоточиться на чем-то еще.

Вот так я лишился последней капли самодисциплины, и все, что от меня осталось, – это мужчина, не Тайлер, не отец Белл, а нечто более первобытное и требовательное.

– Покажи мне, – велел я.

– Что?

– Ложись на пол, раздвинь ноги и покажи, как это выглядит, когда ты трахаешь себя, думая обо мне.

Ее губы приоткрылись, щеки покраснели, а затем Поппи опустилась на ковер, положив руку себе между ног. Я встал над ней, сжимая в кулаке свой член, отдаваясь своему желанию и забыв обо всем остальном, пока моя сперма не покрыла ее тело.

– Почему ты не надела трусики сегодня? – спросил я, наблюдая, как она ласкает пальцами свой клитор.

– Последний раз, когда мы с тобой разговаривали, я безумно возбудилась. Я подумала, что если такое повторится сегодня, то без трусиков было бы легче... позаботиться о себе. Так оно и было.

Я опустился на колени между ее ног, затем обхватил рукой ее тонкие запястья. Растянувшись сверху, я поднял ее руки вверх и прижал их к полу, затем коснулся членом ее обнаженной киски и собранной на талии юбки.

– Ты хочешь сказать, – потребовал я, – что мастурбировала в кабинке для исповеди, и нас разделяла лишь тонкая перегородка?

Она испуганно кивнула.

– Ты меня так сильно возбуждаешь, – ответила она. – Я не могу это выносить.

Я едва сдержался, чтобы не овладеть ею прямо там, на полу. Каждый раз, когда я двигал бедрами, мой член скользил между ее теплых и влажных складочек.

Я опустил голову, уткнувшись лицом ей в шею. От нее пахло чистой кожей и едва уловимым ароматом лаванды – что-то, вероятно, стоящее больше, чем я зарабатывал за месяц. По какой-то причине это излишество, этот возможный декаданс подпитывали мою животную потребность заклеить Поппи. Я кусал ее за шею, ключицу, плечи, сжимал ладонью грудь, неистово потирая членом клитор и доводя Поппи до второго оргазма, как будто наказывал

удовольствием. Наказывал за то, что она появилась здесь и разрушила мою тщательно выстроенную жизнь как карточный домик.

Она извивалась подо мной, тяжело дыша и тщетно пытаясь высвободить руки из моей схватки. Поппи была такой влажной, что стоило мне лишь немного изменить угол движения, как я с легкостью мог бы скользнуть в нее.

Я хотел этого. Очень хотел. Безумно. Я жаждал трахнуть эту женщину больше всего на свете. И как бы извращенно это ни звучало, но тот факт, что я не мог это сделать, что это было бы неправильно с любой точки зрения: моральной, профессиональной, личной, – разжигал во мне еще больше страсти. Я словно обезумел, превратившись в одержимое существо, продолжая тереться о нее, ласкать и покусывать кожу, как будто хотел выжечь эти низменные потребности, овладевая каждым дюймом ее тела.

– О боже, – прошептала она. – Я сейчас... боже...

Я был согласен истязать себя каждый день до конца своей жизни, только бы оказаться внутри нее в тот момент, почувствовать, как она сжимается на моем члене, как содрогается в конвульсиях изнутри. Но вжиматься в нее сверху было так же хорошо, потому что я чувствовал каждый судорожный вдох, каждое испуганное движение ее бедер, и, когда я посмотрел ей в глаза, ее взгляд был пылким и проникательным, но в то же время удивленным, как будто это был неожиданный подарок, и она не могла решить, стоит ли ей быть благодарной или насторожиться.

Но, прежде чем я смог погрузиться в размышления об этом взгляде, Поппи выгнула спину, лишив меня равновесия. Я перекатился на спину, а она оказалась сверху.

Без колебаний она задрала мою рубашку, чтобы увидеть живот, и я заметил, как вспыхнули ее глаза и сжалась челюсть. Поппи провела ногтями по моему животу, практически царапая меня, как будто мой накачанный рельефный пресс раздражал ее, как будто она сердилась, что его вид ее заводит. И я бы солгал, если бы сказал, что это меня ни хрена не возбуждало.

Она села на меня, ее складочки скользнули по моему члену, а затем она начала ласкать меня таким образом, как будто дредила мне своей киской. Я приподнялся на локтях, чтобы наблюдать за тем, как ее плоть прижимается к моей и набухший клитор выглядывает из раскрытых складочек. Проклятье, она была такой влажной от возбуждения, ее тело прижималось к моему члену, все происходящее было таким реальным и очень похожим на настоящий секс, может быть, даже слишком похожим, но технически это все равно был не секс, я лгал себе. Возможно, это не считалось, может быть, я не грешил.

Но даже если это не так, святое дерьмо, я не собирался останавливаться.

Это было настоящее распутство: ее задранный до талии юбка, мои чуть приспущенные брюки, ровно настолько, чтобы освободить яйца. То, как старый ковер обдирает мне задницу и поясницу. То, как Поппи бесстыдно ублажала себя моим членом, используя лишь соки нашего возбуждения. О боже, я хотел жениться на этой женщине или надеть на нее ошейник и сделать своей, чтобы другим неповадно было; я хотел стать ее хозяином, трахать ее и наслаждаться ею. Я хотел навечно остаться с ней на этом старом ковре: она поверх меня со своими распущенными волосами, затвердевшими сосками и ее греховная киска, доящая мой член.

– Кончай, – хрипло потребовала она. – Я должна увидеть, как ты кончаешь. Мне нужно это увидеть.

Я не мог ответить, потому что стиснул зубы от неминуемого оргазма. Я чувствовал, как жаркая волна удовольствия набирает силу где-то в позвоночнике и неудержимо приближается к паху. Я много лет не испытывал таких ощущений.

– Не сдерживайся, – взмолилась она, увеличив темп и надавив на мой член еще сильнее, и, черт возьми, я больше не мог сопротивляться. – Давай же. Отдай мне все до последней капли.

Черт, эта женщина была чертовски сексуальной. Под воздействием природного инстинкта я схватил Поппи за бедра и стал тереться о нее сильнее и быстрее. Образ того,

как она объезжает меня, ее бледно-розового по-прежнему набухшего и нуждающегося в разрядке клитора навечно отпечатался в моем мозгу, а потом я вспомнил ее запах, вкус, возбуждения, оставшийся у меня на языке и лице, и меня накрыл мощный оргазм, опаливший тело словно огненная буря. Поппи издала низкий стон при виде спермы, брызнувшей мне на живот. Ее было так много, мне казалось, что прошли часы, а не секунды, пока мое тело пульсировало в блаженном освобождении.

И в этот момент – на пике моего кайфа, на пике ее ненасытного ликования – наши глаза встретились, и мы позабыли обо всех препятствиях. Мы больше не были двумя незнакомцами, священником и кающейся грешницей, Тайлером и Поппи. Мы были просто мужчиной и женщиной, какими нас создал Бог, Адамом и Евой, в самой элементарной и фундаментальной форме. Мы были частью природы, созданиями Божьими, и я заметил момент, когда она это тоже почувствовала – что мы каким-то образом стали единым целым. Что наши тела и души неотвратимо и неоспоримо слились в нечто исключительное и цельное.

Мой оргазм утих, но я все еще тяжело дышал и едва осознавал, что, черт возьми, сейчас испытал. Затем Поппи прикусила губу и провела пальцем по моему животу, окунув его в сперму, после чего поднесла ко рту. Член снова начал набухать при виде того, как она слизывает свидетельство моего оргазма с пальца.

Я откинул голову назад, с ужасом понимая, что уже никогда, вероятно, не смогу выкинуть эту девушку из головы. Она принадлежала к тому типу женщин, которые бесконечно могли возбуждать меня, с которыми я мог трахаться без остановки всю неделю, но все равно хотеть большего, и это не сулило ничего хорошего для самоконтроля, который медленно возвращался к жизни вместе с побежденной, измученной совестью.

– Будешь ли сходить с ума, – спросила Поппи через мгновение, – зная, что каждый раз на исповеди я ласкаю себя всего в нескольких дюймах от тебя?

Я застонал. Мать твою, да, конечно.

– Поппи, – произнес я, но остановился. Что я мог сказать ей после всего произошедшего? Что мне стыдно и я жутко сожалею о содеянном, а потом добавить, насколько глубоко эта женщина проникла мне под кожу?

– Знаю, – прошептала она. – И мне тоже жаль.

Она встала и поправила одежду, в то время как я принял сидячее положение, вытирая живот рубашкой. Неужели всего минуту назад вся вселенная состояла только из нас двоих, наших стонов и пота, нашего траха без настоящего секса? Теперь церковь казалась огромной и пустой пещерой, и только звуки работающего кондиционера нарушали унылую тишину.

Храм был пуст. Горожане не стояли в притворе, чтобы забросать меня камнями или изгнать как грешника.

Мне сошло это с рук.

И по какой-то причине я почувствовал себя еще хуже.

Мы с Поппи не попрощались. Вместо этого посмотрели друг на друга, уставшие и потные, пропахшие сексом, а затем она просто ушла, не сказав больше ни слова.

Медленно я направился обратно в дом пастыря. Липкий от спермы и снова возбужденный, я ненавидел себя еще сильнее.

VII

Моя сетчатая дверь с грохотом захлопнулась, и я вскочил с кухонного стула, ожидая увидеть Поппи или разъяренную толпу прихожан, или местного епископа, пришедшего отлучить меня от церкви, но это была всего лишь Милли. В руках она держала контейнеры с замороженной запеканкой.

Она суетливо проскочила мимо меня на кухню и начала выгружать свою ношу, послеполуденный свет проникал сквозь ее жесткий кирпичного цвета парик.

– Ты чересчур чистоплотный, – сказала она вместо приветствия, окидывая хмурым взглядом безупречно чистую столешницу. – Мальчики твоего возраста должны быть неряшливыми.

– Милли, я уже давно не мальчик, – ответил я и подошел к ней, чтобы помочь расставить еду в холодильнике.

– В моем возрасте любой, кому меньше шестидесяти, – еще мальчик, – безапелляционно заявила она, отодвигая меня в сторону, чтобы поставить одно из блюд в духовку.

Милли было около ста тридцати лет, но она была не только одной из моих самых активных прихожанок, но и отличным бухгалтером для церкви. Именно она настояла на том, чтобы мы перешли на айпады и терминалы Squares для продажи церковной выпечки и жареной рыбы по пятницам, а также стала инициатором установки оптоволоконного Интернета, которого в городе еще нигде не было.

Вдобавок к этому она, можно сказать, взяла меня на поруки, когда я переехал сюда. Я был новичком в городе, не знал другой жизни, кроме как в модной квартире в центре города, в шаговой доступности от ресторана мексиканской кухни Chipotle. Посмотрев на меня и узнав, сколько мне лет, она неодобрительно поцокала языком и даже дала мне прозвище «Святой отец – одно название». А потом начала появляться раз в неделю с едой, несмотря на мои многотысячные протесты, что я могу сам себе приготовить (в основном лапшу быстрого приготовления, но тем не менее). После того как она познакомилась с моей мамой и они целый час обсуждали, какую температуру воды лучше использовать в тесте для пирогов, все было кончено. Милли взяла под свое крыло мою маму вместе с моими братьями, которым каждую неделю отправляла гостинцы в виде печенья в их шикарные офисы в центре Канзас-Сити.

За исключением того, что сегодня я чувствовал себя недостойным ее чрезмерной заботы, мне казалось, я не заслуживаю всего: этого дома, этой работы, этого города, – хотелось просто умереть, сидя за столом в этой кухне.

Нет, это была ложь. Я хотел что-нибудь делать: бегать, поднимать тяжести или драить плитку до крови – мне хотелось искупить свой грех. Забавно, сколько раз я давал советы своей пастве по части истинной природы покаяния, настоящего значения бескорыстной любви Бога и Его прощения, и моей первой реакцией на грех с Поппи было желание наказать самого себя.

Или, по крайней мере, довести себя до такого состояния, чтобы я не мог думать о насущном.

– Тебя что-то беспокоит, – решила Милли, усаживаясь за стол и сложив руки вместе. Кожа ее рук была морщинистой и тонкой, пальцы украшали старые кольца. Кто-то однажды сказал мне, что она была одной из первых женщин-инженеров в Миссури и занималась геодезией для правительства во время строительства системы межштатных дорог через Средний Запад. Учитывая серьезный взгляд, которым она смотрела на меня сейчас, и проницательные глаза, примечавшие каждую деталь на моем лице, в это было легко поверить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.